

АНТОН

ЧИЖ

• камуфлет •

Родион Ванзаров

АНТОН ЧИЖ

Камуфлет

«ЭКСМО»

2009

Чиж А.

Камуфлет / А. Чиж — «Эксмо», 2009 — (Родион Ванзаров)

ISBN 978-5-903396-21-4

Ужасные, кровавые преступления сотрясают Петербург начала XX века: при странных обстоятельствах гибнут красивые мужчины. У кого-то в руках взрывается скрипка редчайшей работы, кто-то травится дорогой сигарой, кто-то включает заминированную настольную лампу или входит в заминированную дверь... Родиону Ванзарову из сыскной полиции Петербурга предстоит собрать воедино мозаику этих убийств и прийти к совершенно невероятному выводу. Ванзаров узнает, что Российской империи грозит огромная опасность – следствие отчаянной любви последнего русского императора Николая II...

ISBN 978-5-903396-21-4

© Чиж А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Вступление	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Антон Чиж

Камуфлет

Иллюстрации в книге Алексея Дурасова
Фото на переплете – из архива автора

© Чиж А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Вступление

Милостивые сударыни!
И не менее милостивые господа!

Чиновник для особых поручений Родион Ванзаров, знакомый вам по множеству приключений, среди множества достоинств до сих пор имел один существенный недостаток. Или достоинство. Это с какой стороны посмотреть.

В общем, скажем прямо: Ванзаров был не женат.

Многие высказывали автору громкое недоумение: как же так? Мужчина в полном расцвете сил и умственных способностей и вдруг – не женат!

Мы отвечали им: потому и не женат, что в умственных способностях. Но они, въедливые, не слушали резонов и требовали отвести ни в чем не повинного Ванзарова под венец.

Ну что тут поделать?!

Разве только пойти на отчаянный шаг.

Провести эксперимент над живым персонажем.

Эх, была не была...

Итак, милостивые сударыни и судари, давайте вообразим, что Родион Ванзаров все-таки женился, остепенился и в каком-то смысле счастлив в семейной жизни.

Посмотрим, какой из этого выйдет камуфлет...

В общем – слово за вами, бесценные читатели!

Остаюсь искренен ваш

Антон Чиж

Нам пишут из Варшавы. Варшавские извозчики собрали сход и решили, что пассажиры должны обращаться к ним на «вы».
«Петербургский листок», август 1905

– *Raull*, – закричала графиня из-за ширмы, – пришли мне какой-нибудь новый роман, только, пожалуйста, не из нынешних.

– Как это, *grand'tata*?

– То есть такой роман, где бы герой не давил ни отца, ни матери и где бы не было утопленных тел. Я ужасно боюсь утопленников!

– Таких романов нынче нет. Не хотите ли разве русских?

– А разве есть русские романы?

«Пиковая дама»

Невская лососина за пуд 20-22 руб.

Икра астраханская осетровая за пуд 100-120 руб.

Саратовские яблоки за пуд 1.80—3 руб.

Арбузы камышинские за десяток 2-3 руб.

Помидоры за лукошко 1.10—1.40 руб.

Картофель «Император» за мешок в три меры 1-1.20 руб.

Цены на рынках в августе 1905-го

Августа 6-го дня, года 1905, половина одиннадцатого, воздух +24 °С.

Сначала у Финского вокзала, потом в Выборгском участке

«Стало быть, терпение лопнуло. Ну в самом деле! Торчишь пнем, у всех на виду, а господин хороший уже третий час не изволят явиться. Да за такие муки, какой синенькой, красненькой не отделаться. Даже двумя. Нет, пора честь знать. Все, ни минутки более, вон и лошадь умаялась, на пекле жарится, животину сгубить недолго».

Так, а по правде грубее, шевелил мозгами штатный извозчик столицы Российской империи за номером «И-853», а по паспорту, которого у него отродясь не водилось, и вовсе Никифор Пряников.

Что стряслось? А то и стряслось, что без полицейской власти не подсобить. Собрался мужик по утру денежку заработать, а тут на тебе – сплошь убытки. Обманул, бес проклятый! А еще виду благородного! Как хотите, а в Петербурге никому верить нельзя. Все норовят соскочить, не заплативши, иль сунут медяк за серебро. Сплошь обиды трудовому народу.

Никифор натянул вожжи и, угостив затомленное животное крепким словцом, поворотил. Под тяжестью груза колеса скрипели жалостным воем, как жизнь Пряникова. Отъехав от вокзальной площади, направил оглобли он к известному всей округе двухэтажному зданию.

Опора полицейской власти на одной двенадцатой части Петербурга пребывала в плачевном небрежении. Будучи глубоко окраинным, Первый Выборгский не заслужил начального внимания, отчего фасады обшарпались, потолок дежурной части пошел расписными пятнами неизвестного происхождения, лавки истерли до полного неприличия, а каждый, кто попадал в неприветливые стены, ощущал в воздухе аромат мадеры, что была бы воля – сразу сбежал бы без оглядки. Участок пропах невообразимым сочетанием потных портянок, мокрой шерсти и засаленных кастрюль. Кого хочешь проберет.

Впрочем, дежурный чиновник Амбросимов так обвыкся в атмосфере присутственного места, что не думал искать лучшего, а душевно терзал муху на листке прошения, лежавшего поверх нового уголовного романчика Грина «Рука и кольцо» (семьдесят пять копеек за том). Как вдруг дневной покой, оглашаемый храпом отловленного бродяжки и смутным эхом воплей из «сибиряки», грубо нарушил хлопок двери.

Амбросимов сонно поднял голову. Очам его предстала отвратительная фигура извозчика, которая, заломив шапку, всем своим видом выражала нужду. По опыту титулярный знал: пользы от этого народа не дождешься.

– Что шумишь, мерзавец? – с беззлой ленью проговорил он. – Докладывай четко, не мельтеши, а то не понять, каша у тебя во рту, что ли. Ты говоришь великим языком, на котором сам Пушкин Альсан Сергеич изволили выражаться, рожа твоя неумытая.

Никифор приблизился к стойке и, эдак картинно положив руку на сердце, излил свое горе абракадаброй неподражаемого наречия, пересыпая речь чем-то вроде «млин» и «тыкс» и какими-то уж совсем диковинными словесами.

Напор пришлого басурмана был отчаянный. Волей-неволей пришлось прислушаться. Амбросимов стал понимать и даже складывать звуки в осмысленные предложения, несмотря на жару и стойкое желание бросить все и скорее забраться в дачный гамак с графинчиком рябиновой настойки.

Бедствие возничего казалось забавным. Выходило, что его натурально обманули. Ну, уж как-то так невинно, прямо скажем, надули, что и жаловаться грех. Оказывается, часа три тому Никифора остановил господин приятной наружности на углу Арсенальной и Полюстровской набережной, чтобы подвезти на Финский вокзал сундук, громоздившийся на тротуаре в равнодушном покое. Вещь оказалась изрядно тяжелой, хоть и не громоздкой. Сговорившись на трех рублях, сумме, прямо скажем, грабительской даже по такой погоде, Никифор кое-как, а более с помощью пассажира, водрузил поклажу на закорки. Оба употели так, что господин вытирал капли со лба. Но худо-бедно тронулись.

По дороге пассажир веселился, сыпал шутками и даже напевал куплеты. Но, завидя вокзал, вдруг принялся хлопать себя по карманам, заявив, что забыл важный документ, без которого никак не сможет тронуться по железной дороге. За обещанную мзду Никифор готов был уж поворотить, но седок соскочил, крикнув на ходу, чтоб извозчик дожидался его у касс первого класса. Сам же резвым аллюром пустился восвояси.

Честный труженик извоза исполнил все в точности: встал у касс и принялся ждать. И утомлялся этим занятием от восьми до десяти. Но пассажир не изволил явиться. При этом сундук был предоставлен в полное распоряжение Пряникова. Не имея куражу покуситься на чужое добро, впрочем, и отказаться от своего, извозчик счел за благо направиться в полицию.

Сраженный скорее уморительным происшествием, чем честностью «ваньки», Амбросимов приказал заносить скарб.

Двое городских, недобро зырая на Никифора, по милости которого их оторвали от чая, кряхтя и, что скрывать, матерясь шепотком, втащили поклажу.

Вещь оказалась приметной. На створках шли затейливо резанные по дереву сцены истории, как видно, евангельской. Стоит поклажа не меньше того, что задолжал пропавший пассажир. А может, изрядно больше.

И что поделать полицейскому чиновнику? Инструкций на такое происшествие даже сам губернатор Клейгельс, обожавший писать распоряжения и правила для полиции, не составил.

Для начала Амбросимов потянул носом. Показалось, веет душком, не то сладковатым, не то приторным. Титулярный осторожно похлопал по крышке сундука и даже попытался вскрыть. Оказалось, сундук заперт. Ключ, без сомнения, остался у пассажира. Видя, что положение безвыходное, Амбросимов решился тревожить местное божество, а именно участкового пристава.

Подполковник Шелкинг покинул кабинет свой, где в окно приятно дуло, с большой неохотой. Но, как любил говорить он подотчетным купцам, принимая щедрые подарки на Пасху, «ноблес облич». Что купцы, правда, понимали по-своему.

Ксаверий Игнатьевич осмотрел диковинку, строго отмахнулся от жалоб просителя, но изволил царапнуть ногтем крышку. Следствием чего стала досадная ссадина. Пристав счел ее личным оскорблением и приказал крушить врага.

В дежурной явился лом, прозябавший до первого льда во дворе рядом с дровницей. Инструмент был вручен самому здоровенному городовому. Поплевав на ладони более для традиции, чем для нужды, страж ткнул цевье в щель и легонько провернул. Сундук, жалостливо крикнув, сдался.

Душноватый аромат, до того едва различимый в воздухе участка, излился из ящика. Считая себя сугубо воспитанной личностью, пристав нос прикрыл, однако крышку приказал поднимать.

Исполнив, дежурный Амбросимов случайно глянул внутрь и немедленно захотел потерять сознание, но постеснялся выказать слабость при начальстве.

Сам же Никифор, вознесясь над полицейскими спинами на цыпочках, кое-как покосился на поклажу, но тут же отпрянул и перекрестился истово не менее шести раз, призывая в защиту крестную силу. А вдобавок обложил свою головушку дурным словом за то, что не скинул обузу в глухом дворе.

Августа 6-го дня, года 1905, десять утра, все так же.

Управление сыскной полиции Петербурга, Офицерская улица, 28

Климат Приневского края специально избран, чтобы жители, обреченные быть населением столицы, получали в каждую пору неописуемые развлечения. Зима балует лютыми морозами и ледяным ветром с залива, от которого коченеют в организме кости, весна и осень награждают наводнениями под нескончаемым дождем, а летом, непременно в августе, разражается такая жара, что все живое проводит дни в отупляющем безделье.

Но есть горстка храбрецов, которые и в такую погоду тянут лямку службы. Вот, к примеру, один из них топчется на углу Офицерской и Львиного переулка в спасительном тенечке. Кафтан небеленого сукна, фуражка с номерным околышем, плетеный шнурок, убегающий в кобуру, шашка и суконный кушак с пряжкой указывают на принадлежность к полиции, а именно к чину городского. А вот другого смельчака сразу не распознаешь.

В самом деле, что примечательного в господине, покинувшем пролетку? Да ничего. Самый распосредственный городской типаж. Разве одет не как полагается государственному чиновнику, а в светлую «тройку», правда, из добротного сукна.

Во внешности приехавшего не сыскать черт особо выдающихся: не сказать, чтобы высокий, но и не низкий, по виду крепко сбитый, коренастый, может, слегка полноватый, но в самую меру. Возможно, некая дама засмотрится на мощные плечи, а другая восхитится холеными, но сильными пальцами, что играючи колют грецкий орех. И уж никакая женщина не останется равнодушной к пушистым усам карего отлива, с аккуратно сведенными стрелочками.

Мужчина этот, возрастом не старше третьего десятка, производил редкое впечатление природного достоинства. Даже сановник не смел ему «тыкнуть», а тем более небрежно подать пальчик к приветствию. Исходила от него таинственная сила, скорей привлекательная, чем опасная. Некоторые сочли ее наглостью, другие умом, а кое-кто был уверен в безграничном цинизме, крившемся в характере. Может, причиной всему хитрый татарский прищур, однако, голубых глаз под сенью русого вихра.

Приметив господина, городской шагнул на солнцепек, вытянулся по стойке «смирно» и образцово отдал честь, при этом улыбаясь приветливо, чем выказал внеслужебное уважение. Господин кое-как махнул в ответ и скрылся за дверями.

Здесь ему стало душно. На ходу кивая и возвращая приветствия, минул он два этажа, отданных III участку Казанской части, и оказался на третьем, где квартировало Управление сыскной полиции.

Дежурный чиновник, коллежский регистратор Мищук, доложил, что за ночь особых происшествий, слава богу, не случилось: пяток ограблений прохожих да две кражи на полкопейки. Получена депеша о задержании знаменитого вора-карманника «Хрустала» – Ермолая Хрусталева (тридцать восемь судимостей), но заслуги полиции никакой: скрутил пассажир поезда, у которого вор срезал золотые часы. Господин принял корреспонденцию и удалился в кабинет. Там он первым делом скинул пиджак, ослабил до возможности шелковый галстук, распахнул окна, выпил полный стакан воды и только тогда вздохнул с некоторым облегчением.

– Просто каторга! – проговорил он, подставляя раскрасневшееся лицо слабому ветерку. – Каждый день нестись за город, чтобы комаров кормить. Наказание какое-то...

Надо ли пояснять, что герой наш был невольник семейного долга, который каждое лето вывозит домочадцев на дачу, а сам вынужден бегать по лавкам, закупая горы провизии, трястись в дачном поезде, глотать остывший обед, страдать от летучей живности, спать неудобно и каждое утро терять драгоценный час сна, чтобы успеть в присутствие. Дачу ненавидел он куда больше побед японской армии.

Вдобавок нес он груз совершенно излишний. Начальник сыскной полиции Владимир Гаврилович Филиппов испросил отпуск у министра и преспокойно отбыл в Крым, оставив хозяйство на своем помощнике, то есть на заместителе. По этой причине коллежский советник Ванзаров играл роль начальника сыскной полиции, а именно: подписывал гору бумаг, организовывал полицейские рейды, ездил на доклады к вышестоящим лицам и вообще погряз в канцелярских мелочах. На столе уже громоздилась стопка свежее испеченных поручений, предписаний, справок, докладных записок и прочей белиберды.

С тоской оглядев бумажное царство, Родион Георгиевич плюхнулся в кресло и, оттягивая неприятный момент, развернул утренние «Ведомости градоначальства». Аршинные заголовки главной политической сенсации оставили его совершенно равнодушным, зато отдел происшествий просмотрел внимательно. Занятого не нашлось.

Пресса отправилась в дальний конец приставного столика, настала очередь корреспонденции. Стопка состояла из писем в серо-желтых служебных конвертах. Среди прочих нашел он простой почтовый конверт без штампа и адреса. Письмо полагалось: «Г-ну Ванзарову лично в руки». Из него явилась четвертушка листа с машинописным текстом:

«Позвольте поздравить с заслуженным вознаграждением. Желаем достойно носить гордое имя Рогоносца. Вам оно, безусловно, подходит. Софья Петровна бесподобна в муках любви. Примите наше уверение в искреннем почтении».

Ванзаров прочел раз, потом еще. И выглянул в приемную.

Мишук не смог сказать ничего определенного: доставили с почтой, и только.

Как должностное лицо, коллежский советник регулярно получал доносы на подчиненных, дворники докладывали о «противоправных» поступках жильцов, а сумасшедшие предупреждали о скором конце света. Но анонимное письмо подобного толка – в новинку.

Имея двух дочерей, жену и ее наследную кухарку, чтоб ей пусто было, Родион Георгиевич полагал, что счастлив в браке так, как может мечтать любой супруг в расцвете сил на шестом году законного сожительства. То есть с понятной долей нежности и скандалов.

Еще поразмышляв, счел он весточку пустым розыгрышем и наметил отправить на дно корзины, изорвав в клочки, но инстинкт заставил спрятать ее в карман. В то же мгновение дверь широко распахнулась, проем заслонила огромная фигура в роскошном летнем костюме.

– Ура, Ванзаров, свершилось! – крикнул исполин, размахивая газетой. – Вот мы и дожили до Государственной Думы! Представьте, газеты с высочайшим указом невозможно купить. Публика расхватывает, как горячие пирожки. А мальчишки совсем обнаглели, просят за выпуск гривенник. Позвольте закурить в честь такого исторического события...

– И не думайте, – невежливо ответил хозяин кабинета. – Неделю не проветриф после сигарок вафих. Доброго дня, Аполлон Григорьевич, как отдохнули?

Тут надо заметить, что странный звук, похожий на выходящий газ или шипение змеи, появился в речи коллежского советника стараниями подлеца-дантиста. Подправляя коренной зуб, эскулап умудрился сделать что-то с челюстью. Вместо «ш» и «щ» Родион Георгиевич издавал теперь несусветное междузвучие «с» и «ф», как француз, не совладавший с русской азбукой. Что делать, пришлось смириться, пусть будет «ф».

Статный гость элегантно запустил шляпу на приставной столик, под него же отправил потертый саквояж и вальяжно развалился на стуле.

– Скудный вы человек, Ванзаров, сами не курите и других мучаете, да... А отдохнул я прелестно, в Ялте женщины расцветают в муках любви. Так что, эх... – и господин отбарабанил ладонями нечто бравурное.

Вести себя подобным образом позволялось только одному смертному: Аполлону Григорьевичу Лебедеву, великому, без кавычек, криминалисту и знатоку разнообразных практических дисциплин. Не было в России другого эксперта, кто бы сравнился с ним в умении находить строго научные факты преступления. Обладая бурным характером в здоровом теле, Лебедев представлял ядреную смесь отъявленного красноба с гениальным ученым. Меж ним и Ванзаровым сложилась та форма общения, какая порой возникает у мужчин различных по возрасту, характеру и отношению к жизни, но близких по уму и таланту.

Аполлон Григорьевич огляделся:

– Друг мой, ну как вам не совестно пребывать в подобном кошмаре?

– А что такое?

– Ни приятных картин, ни портретов, предписанные не считаю, ни украшений, даже безделушек и тех нет. Живете как монах в келье, иезуит какой-то. И не тычьте на бюст этого чудовища бородатого, тоже мне украшение, да.

– Как изволите знать, это основоположник метода научного поиска истины старина Сократ, и тут ему самое место. Во-вторых, не иезуит я, а инквизитор¹, если следовать латинскому смыслу. И, в-третьих, чем не украшение – репродукция Сикстинской мадонны.

Лебедев нагло хмыкнул:

– Мадонна? Ну-ну... А старина Сократ ваш, между прочим, мальчиков пользовал, да!

– Тогда это было так же естественно, как нынче – соблазнять чужих жен.

Аполлон Григорьевич поспешил сменить скользкую для себя тему и продолжил как ни в чем не бывало:

– Что, и правда Думе не рады? Все-таки пережили смуту, успокоение в народе и все такое?

– Рад я буду, когда на дачу не надо будет ездить. А с органом совещательным нам, простым полицейским инквизиторам, только хлопоты.

– Это какие же?

– Ну выберут депутата почтенного, ну убьют в борделе, гаму в газетах до небес, а искать-то нам.

– Петроград и домостроевец, да! – решительно заключил Лебедев.

– Могу ли знать, передовой вы наф, отчего не женитесь? – и Ванзаров непроизвольно тронул карман с письмом.

– Не так я жесток, чтобы осчастливить одну женщину, – самодовольно заявил криминалист. – Подумайте, сколько безутешных девиц оставила б моя женитьба. К тому же не встретил такой идеал, как ваша Софья Петровна, счастливец!

– Да, счастливец...

Господа и дальше могли наслаждаться приятной беседой, но в кабинет явился до крайности серьезный ротмистр Джуранский:

– Из Первого Выборгского телефонирует пристав Шелкинг, несет какую-то околесицу, – с прямою бывшего кавалериста рубанула «правая рука» и.о. начальника сыска. – Требуется прибыть непременно вас.

На резонный вопрос, «какой же факт показался странным», ротмистр обвинил пристава в помутнении сознания и полной безалаберности в речах.

– Ну, Аполлон Григорьевич, с окончанием отпуска! – сказал Ванзаров, натягивая пиджак. – Любопытно, что ж такое низвергло смелого пристава в трепет дуфевный?

¹ Inquisitio – процесс по расследованию.

Августа 6-го дня, года 1905, ближе к полудню, очень жарко.

Отделение по охране общественной безопасности и порядка, набережная реки Мойки, 12

Состояние духа вконец испортилось. Не пошел Александр Васильевич на торжественную литургию Преображения Господня в Казанском соборе и даже не изволил явиться в Петергоф на праздник лейб-гвардии Преображенского полка и гвардейской артиллерии, происходивший в Высочайшем присутствии, на который зван был по рангу. Не мог он радоваться в этот день. И все тут.

Причина кричала с газетных полос. Проклятая гидра впиалась в горло империи. И стиснула ядовитые зубы.

Поразмыслив, Александр Васильевич понял: добром это не кончится. Стоит России дать свободу, о которой с упоением воет интеллигентская орда, как страна захлебнется в крови. Начнут с Думы – кончат пугачевщиной. Почему? А не создан русский человек для свободы. Ему дубина нужна, чтоб била его вовремя, но не до смерти. Вот тогда будет он счастлив. Свобода в Англии хороша, а у нас не может быть ничего лучше просвещенной тирании. Русский человек раб по исторической необходимости. А раб счастлив не свободой, но отсутствием бессмысленной жестокости. Александр III понимал это и правил счастливо. А этот... Империю трясет от фабричных стачек и крестьянских пожаров. Еще позор Мукдена и Цусимы не забыт, еще тянется проигранная война. Нет бы стальной рукой умиротворить державу, а он вожжи отпускает! Ох, Петра бы...

Так или вроде размышлял начальник охраны полковник Герасимов. Но и под пыткой не признался бы в том. Потому что старался о благе империи «живота не щадя». Впрочем, самоотверженность была излишней. Все, чего смог он добиться в высших сферах, – продлить в столицах и Варшаве, да и то на пару месяцев, состояние усиленной охраны «для сохранения порядка и спокойствия». А какой порядок, когда выборы надвигаются?!

Александр Васильевич с грохотом отодвинул кресло и принялся мерить паркет, давя каблуками юфтовых сапог солнечные отражения оконных рам.

Начальник охранного отделения числился влиятельным лицом империи. Равняться с ним мог разве что вице-директор Департамента полиции Рачковский или товарищ министра внутренних дел Трепов, к тому же генерал-губернатор столицы. И все равно беспомощен он перед высшей глупостью.

В двери уверенно постучали. Полковник сорвался недовольным окриком. Вошел ротмистр Модль, его личный помощник.

Будучи жандармом, Александр Васильевич научился доверять только тем, кого он сам закалил в суровых испытаниях. Выдержать проверку Герасимова смогли немногие, но кто не пугался крови, исполняя приказы, быстро продвигались вместе с сюзереном. Полковник требовал преданности слепой и безоговорочной. При нем Модль служил лишь два года, но сумел доказать, что нервы у него отсутствуют и приказ замуровать живьем мать родную выполнит не дрогнув. Натаскали его на выполнение самых сложных дел, о которых и знать не полагалось. Пока молодой жандарм не подводил, а дно Невы да глухие овраги надежно скрывали доказательства верности. В общем, ротмистр пользовался особым доверием.

Герасимов уже тепло поприветствовал помощника, предложив располагаться за столом совещаний:

- Чаю не желаете?
- Благодарю, господин полковник, довольно жарко.
- Тогда к делу. Удалось проверить информацию «Рафаэля»?
- Разрешите доложить?
- Прошу без формальностей.

– Слушаюсь... – Модль развязал картонную папку и повернул к начальнику. – Здесь собраны сведения касательно информации агента. Все подтверждается буквально. Указанное лицо...

Тут Модль осекся, как будто не в силах произнести нечто важное.

Не отрывая взгляда от бумаг, Герасимов кивнул.

– Исключаете ошибку или подтасовку? – спросил он, отчеркивая ногтем строчку.

– Выглядит натурально. Вероятность обмана крайне мала. К тому же... – ротмистр выудил сложенную вчетверо бумажку, оказавшуюся фотографическим снимком. – Извольте взглянуть...

Портрет вызывал разнообразные чувства, из которых удивление казалось самым слабым. Герасимов укрыв мятую карточку в папку и спросил:

– Ваши выводы?

– Агент не блефует. Прикажете выйти прямо на объект?

– Ни в коем случае. Пусть «Рафаэль» сам опекает. Мы должны быть в стороне, хотя бы формально. Ну возьмете его, что дальше? В камеру прятать? На явочной квартире держать? Нет уж, пусть погуляет на свободе. Раз ему это удавалось делать до сих пор.

Герасимов убрал папку в сейф и вернулся за стол:

– Теперь главное. Долго скрывать подобную бомбу не удастся. Решение предстоит принимать быстро, если не сказать – здесь и сейчас. Выпускать нельзя, и отдавать в чужие руки такой подарок верх легкомыслия.

Ротмистр проявил лишь спокойную готовность:

– Приказывайте, господин полковник.

– Голубчик, что приказывать! – Герасимов невольно повысил голос. – Тут приказы не подходят. Понимаете, чем рискуете?

– Так точно. Если готовы вы, я последую за вами, не раздумывая. А погибать, так ведь раз.

В немигающих глазах помощника царили спокойствие и безмятежность, как в омуте. Счастье-то вот оно – не отдавать приказ, а, не раздумывая, повиноваться.

Александр Васильевич под взглядом этим вдруг понял, что прижат к стенке и отступить некуда. Как-то само собой так вышло.

– Прекрасно! – командирским тоном произнес он. – Я в вас не ошибся.

– Благодарю, господин полковник.

Начальник встал, подскочил и ротмистр, взяв стойку «смирно».

– Операцию приказываю начать сегодня же. Назовем ее «ВВП». Что и когда делать, вам известно. В эти дни особое внимание обратить на действия «Рафаэля». Не вмешивайтесь, но не упускайте из виду. Все должно произойти само собой. Тогда успех неизбежен. В случае малейшей опасности уходите в сторону и заматайте следы... Кого предлагаете на «ягненка»?

– Ванзарова из сыскной.

– Отличный кандидат, уж больно умен да прыток, пора и урезонить.

Оценив несомненную тонкость начальника еле заметной усмешкой, ротмистр козырнул и удалился. А полковник отер надушенным платком вдруг вспотевшее лицо. Глядя на Мойку, весело сверкающую за окном, прошептал он «выручальную молитву»:

– Чему быть, того не миновать.

Августа 6-го дня, года 1905, одиннадцать утра, жарче.

1 Выборгский участок IV Отделения С.-Петербургской столичной полиции, Тихвинская, 12

Не миновать при появлении начальства сыновнего трепета, близкого к обмороку. На лицах читается «рады служить», спины гнутся в дугу, а на губах бродит улыбка обожания, придурковатая, но сладострастная. Начальство млеет, подчиненные мрут от счастья. В какое

присутствие ни зайди, везде случаются этикие сердечные моменты. И верится, что подобная благодать будет произрастать в государстве Российском вечно.

Появление самого помощника начальника сыскной полиции г-на Ванзарова, да в сопровождении самого г-на Лебедева, не говоря уже о самом г-не Джуранском, привело участок в торжественное молчание. Даже пристав Шелкинг нервно теребил отворот мундира.

Мило улыбнувшись и крепко потискав ладонь подполковника, Родион Георгиевич поинтересовался происшедшим. Пристав забегал глазами и, тревожно икнув, предложил осмотреть находку.

Гостей подвели к лавке, на которой лежал массивный предмет, скрытый грязной рогожкой. Отведя взгляд и, кажется, набираясь сил, Шелкинг сдернул покрывало.

Всеобщему обозрению предстал сундук из мореного и лакированного дуба, по виду старинный, украшенный согбенными фигурами католических святых на всех бортах и распятием на центральной панели. Крышку не круглую, как полагается, а остроугольную венчал заборчик шпилей, словно снятых с костела. Вещь казалась искусной.

– Внутри... – процедил сквозь зубы Ксаверий Игнатьевич, словно боясь разбудить кого-то.

Крышка поддавалась легко, открыв источник странного запаха, ощутимо витавшего в участке.

Родион Георгиевич зажмурился лишь на миг. Ну подумаешь, коллежский советник моргнул. Эко дело! Видел он подобное, видел. В иллюстрации учебника криминалистики Гофмана. В общем, ничего особенного. Однако растерянность пристава простил.

– Славная чурочка! – пропел Лебедев. А Джуранский лишь передернул тонкими усиками.

В сундуке, без сомнения, покоилось тело. Вернее, не тело, а торс. Вместо головы торчал обрубок шеи с рваными, словно обгрызенными, краями. От ног остались шматки до коленей, да и то разодранные в клочья. А вместо рук – кровавые культишки до подмышек. Найти в диком лесу, да в голодную зиму такое – не диковинка: шел путник, сбился с дороги, волки и задрали. Но в столице империи наткнуться на кусок мяса человеческого – происшествие несусветное. Не было таких дел у столичной полиции.

– Аполлон Григорьевич, может, займетесь? – сдержанно попросил Ванзаров.

В приятном нетерпении криминалист растер ладошки:

– С превеликим удовольствием, да! Коллеги, где у вас уютный морг?

Шелкинг потащился было за сундуком, но Родион Георгиевич указал следовать за ним.

Кабинет пристава содержался в единой моде участка, то есть походил на пыльный чулан. Бумаги и дела хранились кипами в образцовом беспорядке, куда их кинули и благополучно позабыли.

Расчистив местечко, Ванзаров приступил к расспросам. И пяти минут не потребовалось, чтобы представить событие в общих чертах. Для выяснения деталей требовался главный свидетель, каковой и был доставлен под конвоем. Шелкинг счел за лучшее удержать Пряникова под замком. Мало ли что.

Замученный извозчик от души проклял злую минуту, когда повернул в участок. Завидя солидного господина с бархатными усами и цепким взглядом, так и буравившим нутро, а более смахивавшего на среднего мишку, Никифор решил, что дело худо, все грехи повесят на него. И не очень ошибался.

Означенный господин как раз прикидывал: способен «ванька» на такую дерзость – убить, а потом самому привезти в полицию тело, дескать, знать не знаю, ведать не ведаю. Прикинул и согласился: нет, жидковат мужичонка, взгляд затравленный, духу не хватит. Но для порядка погонял его. Никифор все больше путался в междометиях и вздохах, так что понять, о чем он лопочет, вскоре сделалось невозможно.

– Стало быть, сколько тебе обефали? – спросил Родион Георгиевич, притомленный потоком изувеченных слов.

– Да, вот... это то исть... три... того... знача... рубли... ага, – неподражаемо изрек Пряников и добавил: – Синенькую, мля... то исть.

– Могу ли знать, как выглядел пассажир?

– Так... то исть, и глядел.

– Ну, сколько ему лет, может, помнишь какие приметы?

– На вид не старше тридцати лет, плотного телосложения, хорошая осанка, лицо чистое, прямоугольной формы, нос прямой, короткий, глаза карие, скулы широкие, росту два аршина и вершок, из благородных, костюм дорогой, шейный платок с брильянтом, на пальцах перстень-печатка с гербом, мля.

– Да-а-а? – удивленно протянул Ванзаров. Великий немой вдруг заговорил, да так складно, как не всякому филеру под силу. – А ну-ка, повтори?

– Чего... эта... то исть?

– Как выглядел пассажир... приметы.

Никифор вновь изрек ту же тираду, не моргнув глазом. И откуда взялись слова? Что забавно: как явились, так и пропали:

– Вашбродь... эта... пусть... лошадь не поена... маешь, ведь... стало быть... а?

– Опознать пассажира сможешь?

– Че? А... Эта... Да... Денежку отдашь... Такой вот... Стало быть... Убыток. Пусть, вашбродь, – заканючил мужик.

Что делать с извозчиком, представлялось неясным. Но тут помогли неожиданные события. Во-первых, вернулись городовые, посланные опросить дворников домов, расположенных вокруг места посадки загадочного пассажира. В один голос они доложили: свидетелей того, откуда взялся сундук, нет. Да и понятно: место, как на грех, глухое, лишних глаз не сыщешь, кругом пустыри, сады да берег.

А затем вбежал дежурный чиновник Амбросимов с неперменной просьбой от господина Лебедева спуститься в морг, и не медля.

Родион Георгиевич распорядился не отпускать Никифора, но развлечь, к примеру, чаем. А лучше вызвать полицейского художника и нарисовать со слов портрет.

Пристав расстарался, как умел. Пряникову скрутили руки веревкой, швырнули на пол и рядом для полного удовольствия поставили городского с трехлинейкой и примкнутым штыком. А вдобавок наградили часового веским приказом: чтоб узник не убег, бдеть так, как о спасении души.

Августа 6-го дня, года 1905, полдень, до +25 °С.

Приемный кабинет в Зимнем дворце, Дворцовая набережная, 32

В нашей богоспасаемой империи чиновника по двери видно. Чем более печется он о государстве, тем массивней створки. Чтоб проситель, уткнувшись в предел, понял: ты прах и тлен. А может, двери нарочно скрывают радетеля, чтобы не вырвался и не наломал дров.

Мудрые царедворцы блюдут иную моду. К примеру, вот дверь в дворцовом крыле, где канцелярия. Не вызывает она почтительного испуга. Напротив, бела, чиста да скромна. Но обитает за ней тот, кто мановением пальца может решить судьбу любого.

Посему полковник Ягужинский обязан был испытывать хоть какой-то, но трепет. Все-таки начальник отряда охраны двора Его Императорского Величества собирался преподнести барону Фредериксу известия не самые приятные. Можно сказать, «удручающие известия». Любой офицер на его месте испытал бы страх. Однако Иван Алексеевич, напротив, пребывал в приподнятом состоянии духа, каковое принужден был скрывать.

Перед белой дверью полковник оглядел коридор и тихонько оттопал пару тактов джиги, что уж было совсем необъяснимо. Затем, напустив на себя строгий вид, офицер с огненно-рыжей шевелюрой, которой позавидовал бы любой ирландец, и мундиром жандарма, которому не завидовал никто, решительно распахнул дверь.

Секретарь буркнул: «Вас ожидают». Ягужинский прошел, не глядя на очередь из томившихся генералов и статских.

Кабинет министра Императорского двора только непосвященного мог поразить роскошью. Челядь Зимнего сочла его бедноватым. Ну, уж кому что нравится, ей-богу!

За массивным столом удобно расположился сам генерал от кавалерии. Владимир Борисович достиг власти, какая ощущалась даже в мельчайшем движении бровей. Роскошный придворный мундир он мог вовсе не надевать.

Ягужинский втянул округлый животик, скроил совсем уж траурное лицо и доложил, что стряслась большая беда.

Владимир Борисович настолько привык к неприятностям разного калибра, что отнесся к сообщению спокойно, если не сказать равнодушно. О большой беде он узнал бы первым.

Полковник вручил лист с видимыми следами почтовых сгибов и вернулся на «докладной пятачок».

Невнимательно барон читал лишь первые две строчки. На третьей надел пенсне, на четвертой невольно поменял позу, а когда дочитал, ему потребовалось все самообладание. И оно не подвело. Ровным голосом министр двора спросил:

– Опять?

Сегодня утром дежурный адъютант разбирал почту и нашел письмо без штемпеля и обратного адреса. Исполняя инструкцию, адъютант вызвал офицера охраны. Тот вскрыл конверт. В нем оказалось послание на лист писчей бумаги. Офицер прочел и развеселился, сочтя письмо шуткой. По счастливой случайности, Ягужинский оказался рядом, проявил бдительность и перехватил письмо.

– Обоих сегодня же в Маньчжурию, на передовую. И чтобы оттуда не вернулись. Не затруднит? – учтиво попросил барон.

Полковник приказ принял.

– Кто еще видел?

– По счастью, никто.

– Считаете это счастьем?

– Никак нет...

– Извольте помолчать, – ласково попросил Фредерикс. По совести, он давно недолюбливал ретивого служаку. Потому что рыжий при дворе – моветон. К тому же жандармский выскочка прислуживал домашним фотографом государя, соперничая за внимание. И вообще пролез в дворцовую охрану, подставив грудь под пулю. В общем, аристократическая кровь брезговала мещанином. А вот теперь малоприятный господинчик свернет себе шею.

– Это можно считать... – барон разгладил листок, – подлинной угрозой?

– Боюсь, что да.

– Поздно бояться, полковник. Вам доверили строжайшую государственную тайну, от вас требовалось только одно: сохранить ее. И что же? Провалили поручение. За такое и погон можно не сносить, не так ли?

– Виноват, ваше высокопревосходительство...

– Что намерены делать?

– Надо привлечь все силы, жандармский корпус и...

– Хватит, Иван Алексеевич, дурачка валять. Проворонили, а расхлебывать ему... – палец генерала вознесся в направлении Его парадного портрета.

– Никак нет...

– Полковник, да вы в своем уме?

– Прошу дозволения изложить план.

Фредерикс брезгливо поморщился, но уделил минуту, в которую Иван Алексеевич и уложился. План в самом деле казался разумным. Как ни досадно было Владимиру Борисовичу выпускать прохвоста из когтей, но опасность слишком велика. А тут явился лучик надежды.

– Кого намерены привлечь? – спросил министр особо холодным тоном, чтобы не возникло иллюзии о снисхождении: кара лишь откладывается.

– Коллежского советника Ванзарова.

– Кажется, из сыскной полиции?

– Так точно, помощник начальника сыскной полиции Филиппова. Хороший специалист, не замечен в интригах, честолюбив, но без связей, продвигается по службе благодаря личным качествам.

– Похвально, – с легкой иронией произнес барон. – Справится?

– У него нет незакрытых дел...

– Действуйте. У вас трое суток, – и генерал обратился к бумагам, что означало «прием окончен».

Вернувшись в гулкий коридор дворца, полковник Ягужинский огляделся и лихо оттопал пару тактов бравурного марша. Поведение, однако, удивительное.

Августа 6-го дня, года 1905, в тот же час, жарко.

I Выборгский участок IV Отделения С.-Петербургской столичной полиции, Тихвинская, 12

К удивлению, пахло пристойно. Тайна благовония открылась просто: Лебедев раскурил свои ядовитые сигарки и одна вонь пожрала другую. Сам Аполлон Григорьевич, скрестив руки, мурлыкал мотивчик, с гордостью разглядывая шов вскрытия, рассекавший тело. Иных причин для веселья не наблюдалось.

Место предварительного хранения жертв, по большей части – пьянок и народного разгула, отличалось откровенной убогостью. Пол зиял цементными дырами, углы поросли плесенью, а вместо положенного анатомического стола с мраморной крышкой стоял верстак.

Ванзаров приблизился:

– Могу ли знать, что за срочность?

– Как вам «обрубок»? – Лебедев выпустил ствол дыма. – Шедевр, да!

– К делу, профу вас.

– К телу так к телу, да... – Сигарка была безжалостно затушена. – Мужчина не старше двадцати лет, хорошего сложения, прекрасно развит физически. Видимо, занимался танцами или балетом, судя по остаткам икроножных мышц. Кожа чистая, холеная, содержалась в гигиене. Явно не из рабочих или крестьян. Смерть наступила не меньше тридцати часов назад, то есть в ночь с четверга на пятницу, от полуночи до двух часов. Незадолго перед кончиной выпил вина, обильно поужинал. Тело положили в сундук после наступления трупного окоченения. Второстепенные детали смерти установить невозможно по причине отсутствия рук, ног, пальцев, ногтей, волос и головы.

– А первостепенные и так видны, – разглядывая обрубки, Родион Георгиевич засунул руки в карманы сюртука. – Так зачем я вам понадобился?

– Не спешите, коллега. Как полагаете, ему отсекали голову?

– Ну, уж не хирургическим ланцетом...

Лебедев хмыкнул:

– Еще варианты? Шашка? Топор?

– Аполлон Григорьевич!

– Ладно-ладно. Так вот, голову и все остальное не отрубили...

- Да что вы! Неужели откусили?!
- Оторвали.
- Простите?
- Говорю, с корнем вырвали! – как глухому, крикнул Лебедев.
- Так его четвертовали? Рвали на дыбе?
- Исключено. Кожа имела бы совсем иной характер повреждений. Можно бы свалить на зубы крупного зверя, типа льва или тигра, но вот следы термических ожогов мешают.
- Тогда что же?
- Пока рано делать выводы. В любом случае не расчленение стало причиной смерти.
- Уверены?
- Как в себе. Смерть наступила в результате того, что голосовая щель и гортань забились вот этим... – Аполлон Григорьевич предъявил лабораторное стеклышко, с капелькой желтоватого вещества. От комочка шел резкий мускусный запах.
- Настроив острогу походного микроскопчика, Лебедев пригласил взглянуть.
- В увеличительном стекле виднелись зернышки с хвостиками.
- Позвольте, так ведь это... – запнулся коллежский советник.
- Сперма, да, – подтвердил криминалист.

Родион Георгиевич все же переспросил. Но эксперт привел неоспоримое доказательство: в дыхательных путях обнаружены сгустки семени.

– Как возможна такая смерть? – все же спросил Ванзаров.

– Как от любого чужеродного предмета в горле: задохнулся. Видимо, его держали за руки и за ноги, но в отсутствие конечностей это подтвердить невозможно. Скорее всего, юноша был оглушен, и уже в бессознательном состоянии над ним надругались. Но в отсутствие головы можно лишь предполагать. Обязан заметить: в прямой кишке семени нет вовсе...

Статья 955 Уголовного уложения о наказаниях в разъяснениях Сената от 1869 года трактует мужеложство как половой акт в задний проход, и ничего более, схлопотать можно от силы два года каторги. На деле от этой статьи пострадал лишь единственный «шалун», некто господин Микиртумов. Ни один суд даже не станет рассматривать дело, где жертву удушили спермой: нет такой статьи в российских уложениях, не говоря уж об этической тонкости. Значит, по протоколу юноша должен погибнуть от того, что ему оторвали голову. Но если пользовали его

одни, а «разрывали» труп другие – опытный судебный следователь и браться за дело не станет: адвокаты докажут, что убийства не было как такового... Что сказать? Выглядит это жуткой театральной постановкой. Только увертюры Вагнера не хватает...

– Уж поверьте мне, как мужчине, такой подвиг требует исключительных свойств организма, долгого воздержания или нескольких участников! – Лебедев многозначительно подмигнул.

– Зачем же руки да ноги отрывать?

Криминалист только пожал плечами:

– Может, так «чурку» проще засунуть в сундук... Это уж ваше дело... А у меня осталась лишь маленькая деталь...

– Ефе сюрприз?!

– Ну, честное слово, мелочь, – Лебедев выставил указательный палец. – Видите, у «чурки»... простите – у трупа, два пятнышка там, где была подмышка?

– Похоже на укус...

– Нечто вроде. Но для змеи крупноват... Скорее вампир! – Аполлон Григорьевич хитро подмигнул. – Правда, я, как ученый, отвергаю их существование.

Родион Георгиевич уже собрался весомо ответить, но тут в дверь заглянул вездесущий Амбросимов и сообщил, что телефонируют из III Казанского участка. Новость казалась столь любопытной, что Ванзаров стремительно выскочил из бодрящего холода.

Августа 6-го дня, года 1905, часом ранее, +22 °С.

Дача по Финляндской железной дороге

– Экая погодка! Чудо как хороша! Только нашего столичного брата, замученного стужами, трогает такая коллизия. Стоит небосводу дать лазури, и кажется, жизнь прекрасна, а Русь – райский уголок! Ну, за погоду! – торжественно провозгласил Николай Карлович Берс и осушил бокал.

В это утро, плавно перетекавшее в день, красное вино галлов шло под русские соленья, теснившиеся в изобилии на столе. Берс позволил себе глоток, затем еще один и вскоре не заметил, как бутылка, привезенная из сердца Прованса, удивительно брусничного аромата, опустела наполовину. Что делать, за такую погоду не грех и пострадать!

В дачный сад стремительно вошла девушка, поддерживая подол скромного платья с высоким воротничком. Представляла она тот тип «новых» женщин, что борются за свои права, стремятся к образованию и вообще лезут куда не следует. До суфражистки не дотягивала, но волевое лицо и строгий взгляд из-под тонких бровей, прикрытых ободком круглых очечков, говорили о многом. Барышня плюхнулась в плетеное кресло, отчего ножки провалились в землю на дюйм.

Николай Карлович честно предложил бокал. К тайной его радости, гостья отказалась по причине жары. Зато ухватила щепоть соленой капусты с клюквой, смачно хрустнула и попросила:

– Одолжите мне какой-нибудь новый уголовный роман, только, пожалуйста, не из нынешних.

– Как это?

– То есть такой роман, где герой не травил бы невинных жертв и где не было бы разрубленных трупов. Ну, в манере Дойла, что ли.

– Таких романов нынче нет. Не хочешь ли разве русский?

– А разве есть русские уголовные романы?

Берс протянул книжицу вполлиста в бумажной обложке:

– Вот занятная история...

Заглавие обещало: «Пять капель смерти».

– Ну как можно читать подобную дрянь! – заявило неблагодарное существо, отправив роман в траву.

Николай Карлович погрозил пальцем, самолично спас произведение от муравьев и заботливо отер локтем.

– Поверь, это занятная история. Пора, Антонина, браться за настоящую литературу, хватит мусолить несчастного графа Толстого и Достоевского помешанного. Габорио с Леру – вот настоящая словесность!

Заметим, что книгопродавцам столицы господин Берс был известен как законченный поклонник уголовных приключений. Его появление в лавке встречалось разве что не криками «ура!». Каждый проходимец прилавка знал: Николай Карлович уйдет с порядочной стопкой такой макулатуры, какой и приказчики брезгуют. Главное, чтоб обложка обещала раскрытие тайн необыкновенных преступлений. Не человек, а праздник для торговцев!

Антонина нехотя открыла книгу, не забыв отправить в рот маринованный помидорчик, и стремительно проглядела с десятков страниц. Видимо, девушка обладала полезным даром скорочтения.

Романчик захватил. С каждой главой история представлялась все невероятней. Действие происходит в январе сего года. Некий профессор Серебряков открывает средство, которое позволяет совершать невероятные поступки. Пикантность ситуации в том, что микстура считалась божественным напитком у древних ариев и была посвящена лунному богу Соме. Но открытие стало управлять создателем, а дьявол вновь обманул доктора Фауста.

Заканчивая бутылочку, дядя с удовольствием наблюдал на лице девицы напряженный интерес: страницы так и летали.

Ах да. Литературным героем, распутавшим злокозненные ловушки, явился коллежский советник, по уверению автора, чиновник особых поручений, некто Ванзаров.

Книга кончилась.

– Кто такой Чиждь? – поинтересовалась Антонина, подхватив соленый груздь.

Ответить Берс не смог. Ранее о таком авторе он не слыхивал, впрочем, как и о издательстве «Арибалл», выпустившем роман.

– Но позвольте, как подобное пропустила цензура?

– Сам удивляюсь, – вздохнул Николай Карлович, разглядывая опустевшую бутылку. – Может, Ванзаров знает...

– Так он – настоящий? – барышня даже вскочила. – Не может быть!

Хоть старина Берс отнекивался, но под напором молодости вынужден был признать: да, в сыскальной полиции действительно служит однофамилец героя.

– Потрясающе! – вскрикнуло юное создание. – Сыщик из романа настоящий! Срочно едем, познакомьте меня с русским Шерлоком Холмсом!

Мольбы о том, что это невозможно и никак по чину не полагается, пропали в шорохе ветвей. Антонина кинулась за извозчиком. А Николай Карлович употребил ложку черной икры, пробормотал «будь что будет», перекрестился и влез в ношенный сюртук.

Августа 6-го дня, года 1905, первый час, все так же

III участок Казанской части II Отделения С.-Петербургской столичной полиции, Офицерская улица, 28

Новенькая кожанка, блестя отменной выделкой, прикрывала элегантный жилет и сорочку тончайшего материала, такой еще поискать! Далее – ботинки наимоднейшие, английские, лайковые, да со штиблетами, от которых глаз не оторвешь. Венчал наряд кожаный шлем в широких очках для борьбы с ветром. Господин небрежно поигрывал перчатками с крагами ценой в месячное жалованье городского.

Что и говорить, участок притих, разглядывая сказочного гостя. А тот возвышался монументом над помощником пристава Галкиным. Вежливо согбенный чиновник казался ниже китайца. Быть может, оттого, что господин источал таинственный аромат, нет, не парфюма, а чего-то неуловимого, что несет в жилах чистая кровь властительных предков. Что поделать, аристократ – не должность, а наследственная болезнь.

Сам же князь Одоленский изящно не замечал, какое он произвел смятение, а мило улыбался. Но предложение сесть, как и дежурный стул, твердо отклонил.

Вбежав в участок, Родион Георгиевич отметил: спортивная фигура, цветущий вид, брильянт в галстук, одет наимоднейше – водителем мотора, на пальце перстень, держится в манере английского джентльмена, не женат.

– Профу профения, вафа светлость, что заставил ждать... – он изобразил вежливый поклон. – Коллежский советник Ванзаров к вафим услугам.

Князь окинул личность чиновника и вдруг протянул ладонь как равному. У аристократа оказалось рукопожатие тренированного спортсмена. Впрочем, пройти отказался, дело на пару минут, и впредь просил обходиться без условностей, обращения «сэр» достаточно.

– Ваф мотор заставил окрестных жителей бросить все дела... сэр. Он поистине чудо! – изящно ввернул Родион Георгиевич.

Князь скромно заметил, что это первый в России «Де Дион-Бутон» двухместной модели. Он совершает пробные выезды и уже устал от всеобщего любопытства.

– Так вот, милейший Родион Георгиевич... – надо заметить, что голос князя простуженно хрипел. – У меня случился конфуз, представьте: украли сундук... Кхе-кхе... Мне право неловко, но не будете ли столь любезны его найти. Не будь он частью коллекции, поверьте, не стал бы беспокоить подобными пустяками.

И рта не успел раскрыть Ванзаров, как Одоленский подробно описал пропажу.

– Воры проникли прямо в дом... сэр? – наконец вставил коллежский советник.

– В том-то и дело... кхе-кхе... Такая глупость, даже смешно, унесли прямо от подъезда, представьте, какова прыть?

– Простите, отказываюсь понимать... сэр.

– Да, дело в том... кхе-кхе... Я собрался везти сундук на чистку в мебельную мастерскую, приказал вынести на порог, а когда вышел – сундука уже не было.

– Хотели доставить на моторе?

– Нет, мотор получил только сегодня. Пользовался выездом.

– А где же был кучер, сэр?

– Отлучился в конюшню, растяпа, так не вовремя.

– Хорошенько его спросили, сэр?

– Со всей строгостью.

– Могу ли знать, в котором часу произошла кража?

– Кажется, около трех... кхе-кхе.

– Так это было вчера?

– Конечно!

– Сэр, отчего ждали целые сутки?

– Полагал, воры вернут украденное...

На удивленно поднятые усы чиновника полиции князь разъяснил:

– Мой сундук невозможно продать старьевщику. Его вообще невозможно продать в Петербурге, ни одна антикварная лавка не возьмет, понимаете?

К старинным вещам вообще, а к кухарке жены особенно Родион Георгиевич относился без всякой теплоты. А уж тем более – без любопытства. Заявление князя требовало немедленных пояснений.

– Эта вещь единственная в своем роде, во всяком случае, в России. Дело в том, что это не совсем сундук... – Одоленский замялся.

– Тогда, что же?

– Реликварий, или ковчежец: в таких хранились святыне артефакты. Например, кусок креста, на котором был распят Спаситель. Ну и тому подобное. Мой экземпляр датируется XIII веком, Франция, и, по легенде, в нем хранились мощи святого Франциска, того, что с птицами и зверями разговаривал. Все, кто имеет интерес к подобным предметам, прекрасно знают, кому принадлежит ковчежец.

Как мило! Выходит, не приди князь сам, первый же антиквар, вызванный для экспертизы, указал бы владельца.

Ванзаров нахмурился и сообщил исключительно официальным тоном:

– Думаю, мы сможем помочь, сэр.

– Очень надеюсь. – Одоленский звонко шлепнул перчатками по ляжке. – Если потребуются средства, располагайте мной... кхе-кхе... А когда возможен результат?

– Немедленно.

Действительно, поклажу внесли тотчас и поставили к роскошным ботинкам визитера. Было предложено осмотреть, но князь, победив растерянность, признал пропажу.

– Восхищен вашей сноровкой! – искренно проговорил он. – А еще говорят, в нашей полиции хороших специалистов нет. Вот же истинный талант! Чем вас отблагодарить?

Истинный талант еще и галантно поклонился:

– Только одним, князь. Могу ли знать, для чего похитили ковчежец?

Одоленский мимолетно удивился:

– А разве не задержали злоумышленников? Мне кажется, это очень глупые люди... Что ж, раз сундук найден, прикажите поставить в мой экипаж... То есть мотор... Кхе-кхе... Еще не привык к новинке.

Пришлось сплести историю про необходимость оформить дело, дескать, чиновник всей душой хотел бы услужить его светлости, но теперь такие строгости, и вообще он лично привезет находку. Одоленский сделал вид, что поверил, и мило попрощался. А коллежский советник резво разгладил бархатные усы, что означало и высшую степень любопытства, и нервозность, и даже решимость действовать. Смотри по обстоятельствам.

Поднявшись в Управление сыска, он вызвал Джуранского, томившегося без дела, и дал срочные поручения: с утра установить за особняком Одоленского филерское наблюдение, постоянно. Это во-первых. А еще проверить списки пропавших за последние три дня людей: нет ли подходящих под возраст и описание «обрубка», тьфу, то есть обнаруженного тела.

Ротмистр не успел покинуть кабинет, а в дверь заглянул Мишук:

– Там извозчик просится. Пускать?

Ванзаров освободил Пряникова от охраны с винтовкой, за что был им доставлен на Офицерскую вихрем. Видимо, осмелевший мужик примется теперь канючить деньги. Ладно, может, еще что вспомнит.

Никифор вошел бочком, поглядывая назад.

– Тебе чего? – строго спросил Родион Георгиевич.

– Так... эта... вон... да, значаща... он эта...

– Кто?

– Барин.

– Какой барин, любезный?

– Самый тот, так, то... важный... лошади, ох, мля, его... а, синю сжидил...

– Это, который сундук вез?!

– Ага, он.

– Не обознался?

– Не... эта... отпусти, вашбродь... лошадь... не поена...

Родион Георгиевич резво подлетел к двери, развернул Никифора и толчком выставил прочь.

Августа 6-го дня, года 1905, полчаса ранее, припекает изрядно.

Рядом с Финским пригородным вокзалом

Столица жужжала развороченным ульем. Тут и там собирались стайки граждан, озабоченных судьбой отечества вообще и желанием размять глотку особенно. Кружки возникали около каждого несчастного, имевшего неосторожность купить свежую газету, а тем более развернувшего ее прилюдно. Откуда ни возьмись, слетались эксперты, знавшие высочайший указ наизуток и требовавшие дискуссии.

Признаться, исторический момент общество приняло с обидным для властей небрежением. Вместо выражений восторга и всяческих похвал мудрому правлению, слышались крики «позор» и «обман» и даже страшно представить: «конституция» и «парламент». Ну что будешь делать, все мало российскому обывателю: дали ему палец, так норовит всю руку оттяпать. Полиции приказано было бдеть, но без рукоприкладства.

Старший городской Иван Трифонов как раз заступил на дневной пост, обходя вверенную привокзальную площадь с твердым намерением не допустить беспорядков, каковых пока не наблюдалось вовсе. Кипение политической жизни в заневском уголке Петербурга было наитишайшим. Одни господа отправлялись на дачи, другие – приезжали дневными поездами. Забытые коробки и помятые свертки – вот главные заботы местной публики.

Трифонов сделал неторопливый кружок, прогнал с глаз долой попрошайку, помог пожилой даме погрузить баул на извозчика, указал, как пройти на Новгородскую, и даже погрозил фабричному, сумевшему в такую жару набраться по самое горлышко.

– Здравия желаем, Иван Тимофеевич, – раздался голос откуда-то сверху, словно с небес.

Трифонов поднял ладонь козырьком и разглядел на козлах силуэт знакомого извозчика в нимбе солнечного света:

– Здорово, Растягаев. Тебе чего?

– Прощения, значит, просим. Не видали сегодня Никишку Пряникова?

Городовой значительно, где-то даже грозно, крикнул и спросил строго:

– Тебе зачем?

– Так он, подлец, целковый у меня занял, уж неделю не отдает. Так не видали?

– В участке он, так-то вот, – сообщил Трифонов со значением.

Извозчик Растягаев аж ахнул:

– Да за что же? Никишка и мухи не обидит!

– За то, что клад нашел, – и городской весомо усмехнулся.

Возница тут же насторожился:

– Какой клад?

– А такой, что ему господин пассажир в сундуке оставил.

– Вашбродь, а сундук случаем не весь резной, прямо мореного дуба и уголки медью обшиты? – тревожно спросил Растягаев.

– Положим, что так. Ну а ты, Герасим, откуда знаешь, а?

– А что, велик клад?

– Да уж так велик, что не унести, – пошутил Трифонов.

– О, какая досада! – вскричал извозчик нецензурным слогом, ошпарил лошадь кнутом и рванулся прочь со всех колес. Городового окатило пылью, и прочихался он до самых печенок.

Августа 6-го дня, года 1905, ближе к половине второго, даже жарче.

Прямо на углу Офицерской улицы и Львиного переулка

До печенок ведь проберет ротмистр, требуя дежурную пролетку. Станет бегать в поисках штатного кучера, примется лично выводить лошадь из конюшни, донимая конюхов указаниями, и вот, не пройдет четверти часа, как взмыленный Джуранский, исчерпав командный запал, доставит коляску. Можно было заняться бумагами в кабинете, но Родион Георгиевич выскочил из управления. Впереди, подгоняемый тычками, плелся Пряников, лопоча неизъяснимую белиберду.

На улице было жарко, тело молило о прохладе, но хозяин его упрямо балансировал каблуками на краю приступка, нетерпеливо поглядывая на угол, откуда ожидалось чудесное явление транспорта.

Позади кто-то вежливо кашлянул. Ванзаров обернулся.

Ему поклонился невысокий господин в пристойно недорогом костюме, с начинающейся залысиной, несколько островатым носом, глубоко посаженными глазами и того неопределимого возраста, какой у мужчины начинается лет в тридцать, а заканчивается с внуками. Господин казался смутно знаком. Видимо, обладал счастливой внешностью, на какую сколь ни смотри – все равно не запомнишь.

Рядом держалась строгая барышня в круглых очочках. Скромная прическа, изящная шляпка. Красавицей не назвать, но далеко не дурнушка. Несколько тяжеловатый овал лица, но глаза живые, умные. Видать, девица бойкая и начитанная. Хотя фигурка могла бы быть и получше.

Незнакомец отступил на полшага и неуверенным тоном спросил:

– Прошу прощения, Родион Георгиевич?

Ну конечно! Раз или два они мельком виделись в Министерстве внутренних дел. Кажется, служит в Департаменте полиции чиновником канцелярии. А вот фамилию припомнить решительно невозможно.

– Берс, Николай Карлович, коллежский асессор! – подсказал прохожий и сразу представил спутницу родной племянницей Антониной Ильиничной.

Вежливость требовала спросить: чем коллежский советник, страдающий от жары, может быть полезен.

– Мне, право, неловко, видите ли, дело в том... – витиевато начал Николай Карлович. Но политес был прерван без всякого почтения.

– Так вы Ванзаров? – резво встряла Антонина.

Родион Георгиевич кивнул.

– Тот самый?!

Родион Георгиевич не знал иных.

– Ну, из книжки! Это же вы?

Пришлось уточнить:

– В чем дело, Антонина Ильинична?

– Ведь это с вас списан литературный Ванзаров в «Пяти каплях смерти»?! А это правда, что Сомма обладает такой силой? А правда, что...

– Откуда знаете про Сому? – оборвал восторги материальный Ванзаров.

– Так в «Пяти каплях смерти» все описано!

Берс робко следил за выражением лица вышестоящего чиновника. Но тот лишь просил рассказать подробнее, откуда такие поразительные сведения. Источник знаний явился из дамской сумочки помятой книжонкой в бумажном переплете, какими торгуют на лотках по тридцать копеек. Тут же последовало признание, что роман предоставил дядя.

– Могу ли знать, как он попал к вам? – сохранил дружелюбие Родион Георгиевич.

Берс застенчиво потупил глаза:

– Принес из департамента...

– Кто подрабатывает книжной торговлей, неужто сам директор Гарин?

– На столе моем довольно часто лежат новые романы, ну, по пути забежишь в лавку, бывает... Так вот, третьего дня принес домой стопку, а в ней обнаружил том, который не покупал, помню наверняка.

Забавная история. Однако романтические восторги пришлось пресечь на корню, заверив, что помощник начальника сыскной полиции не имеет никакого отношения к выдуманному Ванзарову, и все это лишь случайное совпадение. Художественный вымысел. Не более.

– Позвольте просить об одолжении? – осведомился прототип литературного сыщика.

– Для вас – что угодно! – излишне горячо заявила Антонина Ильинична.

– Подарите мне романчик.

– С удовольствием! – она протянула, но сразу отдернула руку. – Только с одним условием.

– Это каким же?

– Разрешите присутствовать на вашем расследовании. Вы сейчас какое преступление будете раскрывать? Можно я буду вашей ассистенткой?

– Антонина... – растерянно произнес Николай Карлович.

Но Ванзаров одобрительно кивнул:

– Что ж, сударыня, желаете стать сыщиком? Прекрасно! Завтра жду в девять утра в морге Выборгского участка.

– З-зачем? – выдавила Антонина.

– Будем осматривать свежий труп. Интересное дело, головы нет, тело разрублено на куски.

Книжка немедленно легла в руку Ванзарова и отправилась в карман к утренней записке.

Очень кстати из-за угла выпорхнула дребезжащая пролетка с полицейским на козлах и Джуранским на подножке. Ротмистр был мрачен и собран. Как перед боем. Не слушая извинений и расшаркиваний, Родион Георгиевич решительно затолкал Никифора, бормотавшего окоlesiцу, и приказал трогать.

Августа 6-го дня, года 1905, после полудня, очень жарко.

I Выборгский участок IV Отделения С.-Петербургской столичной полиции, Тихвинская, 12

Заехать извозчику по уху – вот что хотел сторяча усочинить подполковник Шелкинг. Затем, взяв себя в руки, он склонился к заточению в «сибирку», но гуманизм все-таки победил. Пристав изволил дослушать разгоряченного Растягаева.

Мужик нес несусветную чушь: требовал разделить какой-то клад по-христиански или хоть выдать сто рублей ассигнациями, а коли и это невозможно, то пусть подлец Пряников вернет долг, раз честным людям на этом свете такая невезуха.

Только тут до сознания Ксаверия Игнатьевича стало доходить, что извозчик вовсе не пьян и не свихнулся, а, видимо, откуда-то узнал про утренний сундук. Пристав немедленно предложил стакан воды и быстро выяснил причину осведомленности.

Но тут возникла другая путаница. Растягаев уверял, что действительно раным-рано вез этот злосчастный ящик. Герасим запомнил необычную поклажу и верно описал ее. Вот что касается пассажира... тут выходила какая-то странность.

Только в одном можно было не сомневаться: Растягаев возил сундук до Пряникова. И даже до того места, где пассажира подобрал Никифор. И время сходилось. Но одна маленькая заковыка все равно никуда не делась. А стояла твердым вопросительным знаком. Пристав быстро понял: сломить ее силенок не хватит. Прикинул, что да как, и намекнул: дескать, Растягаев может рассчитывать на часть клада, если поспеет вовремя. Окрыленный Герасим помчался с родимой Выборгской стороны в самый центр столицы.

Августа 6-го дня, года 1905, около двух часов, жарче.

Особняк князя Одоленского в Коломенской части С.-Петербурга

Хоть и не в центре столицы располагался дом, но поражал тем, что выглядел нарочито небогато. Деньги, доставшиеся от прапрадедов, воспитывают нужный вкус. Следят, чтобы золота на новых обоях и мебели было в меру и даже чуть меньше. При этом современный стиль должен быть заметен, но не слишком, как бы с иронией над самим собой. Чтобы ни один придирчивый критик не смог упрекнуть хозяина в нежелании следовать моде, но при этом не укорил излишним поклонением ей. Золотая середина соблюдалась исключительно, в каждой завитушке. Подобный подход Родион Георгиевич уважал.

Изысканный интерьер не поразил Джуранского. Все потому, что ротмистр был оставлен внизу беречь Никифора до поры, а заодно и аккуратно расспросить прислугу.

Проведя по мраморной лестнице на второй этаж, слуга отворил дверь и сдержанно поклонился Ванзарову, как истинный джентльмен.

С первого взгляда кабинет ослепил невообразимым сборищем вещей и вещиц. Не всякая антикварная лавка могла похвастаться таким разнообразием фигурок, статуэток, вазочек, тарелок, безделушек и вовсе необъяснимой ерунды. Безумная жадность коллекционера, понукаемая неограниченными возможностями, превратила комнату аристократа в чулан старьевщика. Среди пестрого разнообразия особо выделялась коллекция музыкальных инструментов. По стенам в намеренном беспорядке развесился целый оркестр флейт, рожков, труб, забавных барабанов и даже виолончель. Несколько струнных, считая потертую скрипку, хранились под стеклом особого шкафчика. Вещи хранили пыль веков, как старая кокотка пудру.

Одоленский поднялся в дружелюбном расположении духа:

– Как мило, э-э-э... Родион Германович, что привезли ковчежец сами и так быстро! Право, не стоило так утруждаться.

Павел Александрович был бодр, но голос его по-прежнему болезненно хрипел.

Ответ прозвучал в духе светских комплиментов, которых и грубые полицейские не чужды, засим последовала просьба уделить несколько минут.

Князь предложил садиться в кресла.

– Играете на всех этих инструментах... сэр? – благоговей, как мог, спросил Ванзаров, но подлый скрип кожаной обивки испортил светскость.

– Даже не смею прикасаться. Это ведь коллекция скромная. Хотя некоторые считают ее лучшей в столице... Вот обратите внимание: Гварнери... – указал князь на скрипку с поблекшим лаком.

Да, есть же счастливицы, способные оценить по достоинству рухлядь. Ванзаров довесил нужный комплимент, а потом непринужденно спросил:

– Могу ли знать, что делали сегодня утром?

Одоленский дернул кончиком брови:

– Сказали... утром?

– Именно так, часиков с фести до восьми, сэр.

– Какое это имеет отношение к вчерашней краже?

– Возможно, самое прямое.

– Извольте... – князь излучал спокойствие, кажется, вполне естественное. – В восемь утра я завтракаю. Потом манеж, до десяти часов.

– А до восьми... сэр?

– Любезный Родион Гаврилович, не кажется ли вам, что вопрос неуместен? – в голосе князя появилась напряженная нотка.

– И все же?

– Так и быть, открою эту тайну... Готовы? Итак, признаюсь... я спал.

Одоленский улыбнулся, Родион Георгиевич ответил тем же.

– А вафа супруга...

– Штат прислуги прекрасно справляется по дому...

Дверь резво приоткрылась, вошел какой-то господин, но, заметив постороннего, юркнул обратно. Лицо обнаружилось мельком, но приметная деталь была ухвачена. К тому же в руках у стремительного гостя находилась объемистая папка.

Князь решительно поднялся, показывая, что аудиенция закончена:

– Если вас интересует, кто видел меня утром, ответ прост: весь дом. Хотя, право, не понимаю, зачем это. Прошу простить, важные дела...

Обрушив весь запас извинений, Ванзаров вытянул из князя, уже откровенно раздраженного, позволение подняться еще одному гостю. Не более чем на миг.

А вот Никифор в пекло не спешил. Упирающегося извозчика Джуранский втянул за локоть, как упрямую лошадь в стойло.

Родион Георгиевич принял свидетеля и спросил:

– Вафа светлость, приходилось вам видеть этого человека?

Князь осмотрел и так и эдак:

– Не имею привычки запоминать извозчиков. К тому же беру их редко, у меня своей выезд. Этого вижу впервые.

Ванзаров обратился к Никифору:

– Знаком ли тебе этот господин? Отвечай, не бойся.

– Это он вез сундук, – без запинки произнес Пряников и добавил: – Эта... то есть... синю бы... три рубчика... ага... лошадь упрела...

Ванзаров быстро задвинул говоруна:

– Этот человек дал показания, что сегодня утром около половины восьмого вы взяли его, чтобы отвезти ковчежец от Арсенальной улицы до Финского вокзала. Потом спрыгнули на ходу и исчезли. Показания сняты приставом Выборгского участка. Желаете сообщить, что хранилось в ковчежце?

Одоленский вдруг рассмеялся и, подойдя к Родиону Георгиевичу, дружелюбно взял за локоть:

– Признайтесь, это шутка?

Теперь уже Ванзаров придержал князя и тихо сообщил:

– В ковчежце перевозилось тело несчастной жертвы. Извозчик вас опознал. Могу ли ожидать чистосердечное признание?

– Это полнейший бред, – так же тихо ответил Павел Александрович.

– Отчего же?

– Оттого, господин... кхе-кхе... Базаров, что вы ошибаетесь.

– Неужели?

– Повторяю, десять человек в этом доме под присягой подтвердят: я вернулся сегодня ночью около часу, лег спать, никуда не выходил и встал ровно в восемь. Выехал из дома без четверти девять, а с половины десятого занимался в манеже на моей лошади по кличке Кролик.

– Почему так точно помните время?

– Элементарно, Базаров, это – мой ежедневный график. Я не женат и люблю порядок.

Можно было поклясться чем угодно: аристократ не врет. Родион Георгиевич заметил, что Джуранский готовится производить арест, медленно ведя руку к скрытой кобуре. Пришлось сдержать пыл помощника грозным движением усов, а князю улыбнуться самым приятным образом:

– Вынужден официально заявить: вам воспрефено покидать столицу вплоть до разьяснения всех обстоятельств дела. Надеюсь, обойдемся без сюрпризов, сэръ...

Августа 6-го дня, года 1905, ранее трех, все так же

***III участок Казанской части II Отделения С.-Петербургской столичной полиции,
Офицерская улица, 28***

Сюрприз ожидал в дежурной части. Торчала нестриженная бороденка, лохматилась русая шевелюра и сверкал хитрый вологодский глаз. Таких мужичков обожают восторженные барышни, величая их солью земли Русской. И не знают, что стоит отвернуться, как «соль» ножичком пырнет... Эту породу Родион Георгиевич изучил досконально.

Молодцом держался Герасим Растягаев, твердо стоял на том, что «пусть Никишка кладом делится или хоть вернет два рубля за мороку».

Теоретически такие подарки возможны. Не все же рыть носом землю, иногда случается легкий розыск. Но уж больно лихо вышло: сам собой, без всяких усилий, появляется не просто свидетель, а прямо-таки золото. Правда, «драгоценность» сомнительной пробы.

– Постой, братец, не пойму я тебя что-то, Расскажи-ка ефе разок: куда ездил? – Народный стиль у Ванзарова выходил чисто. Это подтверждали многие арестованные мазурики.

– Значица, так... – Растягаев солидно прочистил горло. – Принял сундук с пассажиркой у Финского вокзала где-то до семи. Сначала поехали на Малую Конюшенную, постояли и отправились к углу Арсенальной и Полюстровской набережной. Там и высадил. Я чего сундук-то приметил, уж больно тяжел и чудного вида. Да и поездка веселая, туды-сюды. Правда, заплатила хорошо, не обидела.

– Кто, говорифь, заплатил? – изобразил удивление Родион Георгиевич.

– Да барыня, пассажирка то есть.

– Ты ж говорил, барина вез?

– Да что вы, господин хороший! Как есть барыня была... Я извиняюсь, а как насчет клада будет?

Ванзаров кивнул на сундук, который так и стоял в участке на прежнем месте:

– Сундук точно тот?

– Знамо дело! Приметный, хоть вещь бестолковая. А клад, значит, Никишке достанется?

Что же получается? Или извозчики путают, или один из них врет. Остается проверить наглядным способом.

Последовал приказ дежурному незамедлительно доставить субъекта, с которого ротмистр снимает протокол.

Никифор под конвоем Джуранского сник и даже бубнить перестал. Какие удары обрушила судьба на его голову, и думать боялся. А про себя зарекся: чтобы еще раз добровольно лезть в помощники полиции – да никогда в жизни.

Ванзаров подвинул шаткий стул. Примостившись на краешке, Пряников изготовился к худшему. В этом убеждала довольная рожа Герасима: вот ведь злопамятный гад, из-за рубля удавится.

– Расскажи, любезный, с какой барыней сундук вез? – без всякой строгости спросил Родион Георгиевич. Но послышался Никифору окончательный приговор: все, решили его извести, как есть, жаль, лошадь пропадет, мля.

– Что молчифь?

– Эта... чего... сами то... знаете...

– А ты Герасиму расскажи.

– Бабы... нет... да... от... господин... видели... И сундук его.

– Как он выглядел?

– Да уж так, ого... от...

– Что скажефь? – обратился Ванзаров к Герасиму.

– А то и скажу: барыню вез. Врать не обучен. Не то что иные...

Тут между извозчиками вспыхнул профессиональный диспут «О честности и о том, кто у кого деньги-сбрую одалживает, а возвернуть забывает». Спор славян между собою дошел до

того, что Герасим разгоряченно вскочил, а Никифор сжал кулаки. Но тут не к месту встрял Джуранский с окриком, и боевой дух враз покинул соперников. Продолжать очный допрос стало бесполезно. А ротмистр был наказан уж тем, что ему предстояло разбираться и писать с него протокол.

Без спарринг-партнера Растягаев сник. Но лукавый прищур надежно скрывал пеленой его душонку.

Остается простой вывод: их было двое. Растягаев высадил пассажирку примерно в половине восьмого, а Пряников подхватил уже господина в этот же час. Дама привезла сундук от Финского вокзала через Малую Конюшенную к углу Арсенальной, а второй номер – обратно, к вокзалу. Но зачем возить «чурку» по кругу, передавать по эстафете, а потом бросать у извозчика? Где тут логика? Так следы не замечают.

– Во что была одета барыня?

– Платье черное, кружевное, шляпка такая же, перчатки до локтей.

– Это в такую-то жару?

– Как есть, черное, может, траур у ней...

– В который дом на Малой Конюшенной приезжали?

– Что на переулок смотрит.

Родион Георгиевич и глазом не моргнул, а только попросил:

– Опиши-ка мне, братец, барыню. Помнишь приметы...

Тут же, без колебаний, четко и ясно Герасим составил словесный портрет. Что любопытно: уже второй извозчик за день демонстрировал чудеса наблюдательности. Зной, что ли, так действует?

– Случаем, не знаешь, куда заходила в доме? – равнодушно спросил Ванзаров.

– Третий этаж, квартира слева.

– Зачем тебе сказала?

– Дак, донести попросила сверток бумажейный. Не очень чтоб тяжелый.

– Квартиру отпирала?

– Не могу знать. Я назад пошел, только на козлы сел – она и возвернулась. И сверток несет... Прощения просим, с кладом-то как будет?

Как быть с кладом – вопрос не главный. Куда сложнее ответить на другой: со слов извозчика выходило, что подъезжал он не куда-нибудь, а к дому Ванзарова. И пассажирка поднималась напрямик в его квартиру. И была она, по описанию, не кто иная, как супруга коллежского советника Софья Петровна.

От имени сыскной полиции за проявленное усердие мужик был награжден «красенькой» и немедленно выпровожен из участка. Коллежский советник очень надеялся: Герасим дня на три запьет.

Августа 6-го дня, года 1905, в то же время, неизмеримо жарко.

«Café de Paris» в Пассаже, что на Невском проспекте

Напитки колониальные и не очень гремели на всю столицу. Утомленные служащие окрестных банков считали неременным долгом забежать на чашечку ароматного кофе, а изысканные дамы назначали время для болтовни за чаем. Тут царила атмосфера парижской кафешки. Милые порядки придавали заведению европейский шик. Здесь позволялось заказать чашечку крепчайше заваренного венского и провести безмятежно часок-другой с газетой, лениво поглядывая на толпы веселого проспекта.

Неудивительно – в обеденный час свободных мест не осталось.

Среди толчеи два чисто одетых господина, расположившиеся за соседними столиками, не привлекли к себе внимания. Перед одним дымился шоколад, у другого – кофе с кувшинчиком сливок. Один сел лицом к окну, другой – к буфету. Оба, как нарочно, развернули свежие

выпуски «Нового времени» и «Петербургского листка». Но как-то само собой получалось, что, глядя в строчки, могли говорить. Незаметно для посторонних.

– Все ли готово? – тихо спросил любитель шоколада.

– Можете не беспокоиться, – ответил в тон поклонник слабого кофе. – Весточка нашла адресата.

– Какова реакция?

– Исключительно ожидаемая.

– Есть хотя бы один шанс на провал?

– Исключено. Он ненавидит меня и считает полным идиотом. Не упустит случая поставить подножку.

– Плану поверил?

– Во всяком случае, согласился. У меня три дня, чтобы разыскать злоумышленника.

– Уж постарайтесь.

– Приложу все усилия. А то не сносить головы.

Господин с шоколадом улыбнулся срочным депешам о переговорах в Портсмуте. А господин с кофе лишь перелистнул страницу.

– Одно только тревожит... – продолжил он.

– Что же?

– Случайность, которую невозможно предотвратить.

– Что именно? Расписание составлено, поменять его невозможно.

– Ключевая фигура. Уж больно умен и пронырлив. Как бы не залез глубоко.

– Каким образом?

– Не знаю. Фактор непредсказуемости.

– Случайности возможны.

– Только не сейчас. Постарайтесь держать ситуацию под полным контролем.

– Это не сложно.

– Что ж, будем верить в силу нашего разума.

– Такое божество меня устраивает... Вам пора.

– Да, время пошло. В эти дни встречаемся только по особому поводу. Экстренную связь знаете.

– Конечно. Передайте нижайший поклон нашему другу.

– Непременно.

Господин одним глотком опустошил кофейную чашку, свернул газету, бросил мелочь, не считая, и вышел. А полковник Ягужинский наконец смог вплотную заняться любимым шоколадом. Начальник дворцовой стражи даже позволил себе легкий вздох облегчения. Только к чему относился вздох – к шоколаду или к окончанию встречи, – осталось тайной.

Августа 6-го дня, года 1905, чуть позже, жарит безбожно.

У дома на Малой Конюшенной улице

Таинство обеденного часа для того и установлено начальством, чтобы чиновники всех департаментов могли набраться сил для служения отечеству. Преступно отдавать священные минуты чему-либо, кроме наполнения желудка и освежения горла, особенно в такой денек.

Лишь один коллежский советник откровенно манкировал установления, которые и полиции касались. Извиняло лишь то, что ему срочно требовалось уединение среди незнакомой толпы. Идя по теневой стороне Казанской улицы к дому, он решительно не замечал ничего.

Итак, имеем: тело неизвестного юноши, жестоким образом разделанное в «чурку». Известно, что ковчежец, в котором его везли, принадлежит Одоленскому. В историю с кражей раритета верится с трудом. Несомненно, князь имеет к преступлению касательство. Какое

именно – пока не ясно. Пряников опознал пассажира, но прислуга дает верное алиби. Известна причина смерти юноши: обильное излияние спермы в горло.

Далее только вопросы. А именно: кто стал «обрубком», принимал ли Одоленский участие в «удушении», где произошел акт, кто лишил юношу конечностей, а также где они находятся. И самое главное: зачем такое «живописное» убийство?

А что делать с невероятным участием Софьи Петровны?

Можно представить, как обожаемая супруга в черном платье вывозит сундук с места преступления на вокзал, потом едет к дому, потом возвращается на Арсенальную и оставляет поклажу. Что получается? Чтобы это проверить, ей пришлось бы уехать с дачи поездом в шесть ноль пять... Вполне возможно! Сам господин Ванзаров позавтракал, как обычно, в глубоком одиночестве в восемь утра и, не решаясь будить любимую супругу, тихо удалился: на даче у них разные спальни. А вот была ли она дома? Пока неизвестно.

Пряников вспомнил, что у пассажира действительно был сверток. По виду не сказать, что тяжелый, с такими бабы ходят. Вроде из старого сукна. С ним господин и исчез. Выходит, Софья Петровна встретила субъекта и передала ему не только ковчежец, но и сверток?

Возможно два объяснения: или она не знала, что везет, выполняя дружескую просьбу, или... Одно точно: из участников «удушения» ее можно исключить смело.

Допустим невероятное: это она возила ковчежец. Но зачем в дом заезжать? В чем тут логика? Уж не конечности же оставила? Наверняка все это случайное совпадение. Оно немедленно выяснится...

А подметное письмо? Ведь все просто складывается: она помогает любовнику скрыть следы преступления. Никакой театральности. Князь Одоленский подходит на роль молодого жуира, который наслаждается женщиной бальзаковского возраста.

Да и можно ли считать, что убийство произошло за городом? Не обязательно. Тело могли привезти на Финский откуда угодно, хоть с соседней улицы. Но проверить все вокзалы надо непременно.

Доверять ли словам хитрого извозчика Растягаева? Тоже все неопределенно.

Что остается? Испросить в понедельник у прокурора разрешение на обыск в особняке князя.

Тут Родион Георгиевич обнаружил себя у ворот собственного дома.

Опершись о решетку, в приятной лени коротал денек Феоктист Епифанов. Дворник обнимал черенок метлы, как родное дитя. Завидев важного жильца, степенно поклонился, но шапку ломать не стал:

– Доброго здоровьечка, Родион Георгиевич, что-то на даче зажились, почитай, с прошлого воскресенья дома не были-с.

– Славно там... К тому же люблю я жару, в обфем... – добавил Ванзаров, промокая лоб платком. – Как в доме, порядок?

– Как иначе-с, – Епифанов деловито шаркнул метлой.

– Постой, Феоктист, как же, говоришь, не были? А сегодня Софья Петровна заезжала?

Дворник улыбнулся:

– Я и то говорю-с: «Что это вы, Софья Петровна, в такую рань?» – а они-с прошли молча, извозчика не отпустили-с.

– А когда уехала?

– Извинения просим, не видал-с...

– Это она платья девочек привозила, – пробормотал коллежский советник. Изобразив для Епифана приступ забывчивости, он резко повернул от ворот и крикнул извозчика.

Жара, однако, усиливается. Перед глазами так и плывет картина: супруга в черном, в руках котомка, а рядом ковчежец.

Августа 6-го дня, года 1905, около четырех часов, пекло.

Управление сыскной полиции С.-Петербурга, Офицерская улица, 28

Сундучок терпел муки монашки, попавшей в лапы кровожадного, но любопытного индейца. Аполлон Григорьевич с полчаса пробовал так и эдак: нажимал резные завитушки, тер уголки и даже попытался отколупнуть резную фигурку. Голова святого с хрустом отвалилась, и подвижник веры обратился в безголовое чудище.

Пригрозив деревянному ящику: «Ах вот ты как!» – Лебедев скинул пиджак, закатал рукава, вынул из походного саквояжа молоток для трепанации черепа и принялся простукивать каждую выпуклость. При ударах ящик издавал жалобный стон, но секрета не выдал.

Терпению пришел конец, и криминалист изготовился расколотить произведение деревянного зодчества на мелкие кусочки.

– Что, коллега, дровифки рубите? – участливо поинтересовался Родион Георгиевич, быстро входя в кабинет.

На счастье сундука, рука с молотком, занесенным для последнего удара, опустилась.

– Вот зараза, не сдается! – Лебедев мстительно ткнул сундук в бок.

– Что он вам сделал?

– Всегда мечтал раскрыть в старинной вещи тайник. Ведь чую, есть в нем секрет! – и Аполлон Григорьевич исподтишка обидел вещь.

– С чего вдруг?

– Ну как же, сундуку лет двести-триста, английской работы, наверное, я, по правде, не разбираюсь. Значит, секрет должен быть наверняка!

Кто бы мог подумать, что в матером светиле криминалистической науки живет мальчишка, мечтающий о пиратских кладах. По секрету от всех он перечитывал «Остров сокровищ» хотя бы раз в год.

Последнего романтика требовалось глубоко разочаровать.

Узнав, что это не сундук вовсе, а ковчежец, и вообще вещь уникальная, а владелец его фигура влиятельная и не потерпит экспериментов, Аполлон Григорьевич сник. Оружие возмездия убрал в саквояж.

Почти машинально Ванзаров приподнял крышку и заглянул внутрь. Там сияли гладко полированные доски. От дерева пахло букетом старой пыли, лака и засохшей крови. Без вся-

кой цели Родион Георгиевич поводил крышкой вверх-вниз, извлекая скрип петель, и закрыл с хлопком.

Где-то внутри щелкнула пружинка. От боковой панели плавно опустилась дощечка, как крепостной мостик, обнаружив крохотную нишу с чем-то белесым внутри.

– Что я говорил?! – закричал Лебедев. – Ай да Ванзаров, ай да умница! Удивил так удивил! Просто гений какой-то, да!

Криминалист с горящими глазами извлек находку и... немедленно угодил под ледяной душ разочарования. Ах, если бы он не знал так хорошо сорта бумаги!.. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить: это не пергамент или папирус, а самая заурядная писчая бумажка, почти новая.

Аполлон Григорьевич надулся совершенно по-детски и не глядя пихнул скучную находку Ванзарову.

Листок оказался запиской, напечатанной на машинке совсем недавно, так что буквы не успели поблекнуть:

«П.А.О. – содал Менелай
В.Ф.М. – содал Ахилл
С.П.В. – содал Пенелопа
К.В.М. – содал Аякс
В.В.П. – содал Парис
Н.Н.М. – содал Диомед
М.О.Н. – содал Агамемнон»

Внизу чернилами было приписано: «*Primus sanguinis*».

Лебедев заглянул через плечо:

– Содалы? Что-то древнегреческое?

– Почти. Древнеримское. Тайное обфество друзей, на которых всегда можно рассчитывать. То есть единомышленники. Хотя все имена из Троянского цикла.

– Фраза латинская, как понимаю, означает «Первая кровь»? – и Аполлон Григорьевич скривился: мечтал открыть остров сокровищ, а тут скучная схоластика.

А вот настроение Родиона Георгиевича улучшилось: нешуточную тревогу вызвали знакомые инициалы. Тем не менее виду он не показал, уселся к столу и довольно равнодушно спросил:

– Чем ефе порадуете с «чуркой»?

– Особенно нечем... – опечаленный Лебедев вытянул сигарку, покрутил и убрал восвояси. – Часа за два до смерти юноша хорошо поел, вина выпил бокала два. Снотворного или лекарств не принимал. Следов обычных ядов я не нашел. В воду он не падал, угарным газом не дышал. Колотых, резаных ран нет, как и пулевых отверстий. Могу заверить, что смерть наступила от известной вам причины. Также я установил, что за пятнышки у него в области подмышки.

– Все-таки укусы вампира?

– Зря веселитесь... Следы прижиганий электрическим током.

– Его пытали?

– Всего лишь результат новомодного лечения электричеством, магнитными волнами, светом и прочей дребеденью, да.

– Юнофа был пациентом клиники?

– Частнопрактикующего врача. Официальная медицина насчет этих методов имеет большие сомнения.

Среди двух тысяч двухсот семидесяти двух врачей Петербурга частные клиники имеют десятка три эскулапов, не больше. А уж током лечат и вовсе единицы.

- Я распорядился оставить тело в Выборгском, – добавил Лебедев печально.
- Что молчите про отрыв конечностей?
- Это не отрыв.
- А что же?
- Самые обычные следы взрывного действия.

Родион Георгиевич прямо-таки удержал себя за вожжи, чтобы не подскочить или не стукнуть кулаком в гнев, а лишь сдержанно спросил:

– Могу ли знать, коллега, что обычного в отрывании ног, рук и головы при помощи взрывчатки? Напомните, когда встречались с подобным случаем? Не изволите хоть сообщить, какой тип применялся?

Лебедев горестно вздохнул:

– Да ну вас, увидели что-то в записке и еще секретничаете, утаить пытаетесь... А я вот мечтал открыть тайную инкунабулу... Ну, хоть малюсенькую загадку... Я вот о чем все думаю: Жюль Верн в этом мае скончался, наш мир стал скучным и предсказуемым, капитану Немо не осталось места, одни бухгалтеры копошатся, преступления и те по списочкам вершат... Да что уж теперь... Ничего определенного про взрывчатку сказать пока не могу, судя по остаткам на шее – похоже на пироксилин. Наверняка не порох, динамит и не «гремучий студень» наших бомбистов... Белые кристаллики... Сегодня установлю точно.

– Благодарю...

– Ну, признавайтесь, что вас так поразило в записке?

– Да с чего взяли?

– С того, что знаю как облущенного, да! Таинственная надпись на латыни будоражит? Дескать, кровавый обрубок и тут же «Первая кровь»? На игры гимназистов похоже... Так скажете?

В дверь вежливо, но уверенно постучали, избавляя Ванзарова от признаний. На пороге возник Джуранский, попросил разрешения доложить и щелкнул каблуками. Мечислав Николаевич никак не мог оставить привычки кавалерийского офицера.

– Списки пропавших лиц проверены, подходящих по полу и возрасту не имеется, – отчетливо ротмистр. – Вы приказали за три дня, так я на всякий случай взял за две недели.

Похвала нашла усердие.

– Также мною опрошен лакей князя Одоленского, – продолжил окрыленный Джуранский. – Он показал, что князь ночевал дома, а проснулся в восемь утра.

– Можно ли верить показаниям слуги? Наверное, выгораживает князя?

– Это невозможно, – усики Джуранского дернулись вверх. – Бирюкин в нашем полку служил «охотником», то есть вольноопределяющимся... Хороший кавалерист был, с лошадьми аккуратен... Исполнителен, жаль не пошел в унтеры после двух лет... Простите... С Пряникова протокол снят.

– Адрес, где проживает, записали?

– Никак нет. Я его в камере запер в Казанском. Чтоб под рукой был. Прикажете отпустить?

Исполнительный ротмистр удалился с распоряжением проверить все пригородные вокзалы на предмет дамы в черном платье с сундуком. Сам же Родион Георгиевич глянул на часы и засобирался.

– Так что про записку? – напомнил Аполлон Григорьевич.

– Коллега, вам показалось, просто жарко и вообще... – пробормотал на ходу Ванзаров.

Августа 6-го дня, года 1905, около шести вечера, полегче.

Роща в Озерках

Они сошлись. Кусты надежно скрывали от любопытных глаз. Можно не играть холодность, не бояться, что откровенный взгляд выдаст, и не краснеть удушливой волной, слегка соприкоснувшись рукавами. Держались за руки и не могли оторвать глаз друг от друга. Наконец кинулись в объятия друг к другу, прижались. Их губы насытились. Дальше – только шепот:

- Как мне тяжело... если б ты знал...
 - Надо потерпеть.
 - Я без сил, боюсь, не справлюсь...
 - Постарайся, хотя бы ради меня.
 - Делаю все, что могу.
 - Обещаю, это не продлится долго.
 - Сколько?
 - Не больше месяца. Все будет кончено.
 - Я впервые боюсь.
 - Чего?
 - Боюсь потерять тебя.
 - Со мной ничего не случится, обещаю.
 - Это правда?
 - Конечно.
 - Что с той женщиной?
 - Там приготовлено...
 - Хорошо... Поцелуй меня...
 - Наше время на исходе. Тебе пора.
 - Опять натягивать маску...
 - У тебя лишь маска, подумай, как тяжело мне...
 - Прости меня... Обними покрепче...
 - Тебе пора.
 - Постараюсь не сойти с ума от одиночества... Ну, напоследок...
- На мгновение они потеряли осторожность.

Наказанием стал вежливый кашель из-за кустов. Краем глаза он заметил силуэт коренастого господина, невежливо разглядывавшего интимную встречу, и опрометью бросился в глубь леса. Он верил, что ветки и сумрак скрыли лица.

Этакие презабавные камуфлеты случаются, господа.

Августа 6-го дня, года 1905, около пяти, еще жарко.

Вблизи Финского вокзала Финляндской железной дороги

Господин неказистой наружности встал на пути. Отличал его влитой сюртук, но не по жаре – вызывающе черного цвета. Незнакомец произнес бесцеремонно:

– Прошу следовать за мной.

Само собой, Родион Георгиевич выразил глубокое возмущение.

Тем же бесцветным голосом субъект в черном сообщил: господину коллежскому советнику не стоит беспокоиться.

Вот уж тут помощник начальника сыскной полиции не сдержался. Это ему беспокоиться? Ну знаете! Да сейчас... Вот, кстати, маячит дежурный городской...

Черный прервал поток возмущений, шепнув четыре слова.

Ванзаров покорно свернул за угол.

Под уходящим солнцем блистало чудо из чудес – шестиместный мотор! Да еще какой! Шофер в кожанке за рулевым колесом и закрытое купе для пассажиров. В российской столице такие «скакуны» обитали лишь в одной «конюшне».

Дверца распахнулась услугами черного господина.

Совершая посадку в роскошный «Renault» первый раз в жизни, Родион Георгиевич не испугался, но легкий трепет испытал. Согнулся в три погибели, косолапо пробрался через порожек и плюхнулся на диванчик. Дверца захлопнулась. Внутри было как в печке, захотелось немедленно скинуть пиджак. Однако сидящий в моторе господин, казалось, не замечал духоты.

– Рад видеть вас в добром здравии, – сказал он, протягивая руку.

Ванзаров сдержанно поздоровался и принялся спасать воротничок сорочки.

Мотор заурчал и мягко тронулся. Занавески скрывали курс.

– Времени мало. Сразу к делу, – заявил господин рыжей масти тоном, не терпящим возражений. – Прошу простить странное место. Нельзя, чтобы посторонние знали о встрече. Разговор сугубо конфиденциальный. Дело государственной важности. Согласны?

Родиону Георгиевичу было так жарко, что он взялся бы в одиночку разгромить японцев, лишь бы скорей выпустили.

Ягужинский ввел в курс дела.

Недели две назад в канцелярию министра двора пришло письмо, возбудившее тревогу. В нем намекалось на государственный секрет, о котором знали лишь несколько особо доверенных лиц. В обмен на молчание предлагалось выплатить сумму, равную половине государственного бюджета. Фредерикс на свой страх и риск оставил шантаж в тайне. Но сегодня было получено второе письмо. Автор приводил такие сведения, что сомнений не осталось: он действительно знает тайну и готов придать ее гласности. Вымогатель поставил условие: сумма в размере годового бюджета. На меньшее не согласен. Срок исполнения – четыре дня. Иначе все материалы попадут в европейскую прессу. Год назад на выходку не обратили бы внимания. Но сейчас, когда страна может взорваться от любой искры, опасность крайне велика.

Дворцовая охрана переворачивала Зимний вверх дном, но безрезультатно. Осталось непонятным, как письма попадают в дворцовую корреспонденцию. Их просто находят среди бумаг курьерской почты.

Может, в другой день Ванзаров и выразил бы удивление, но сегодня сюрпризов хватило на газетную колонку. Он только спросил:

– Что хотите от меня?

– Провести расследование в отношении одного лица, – загадочно произнес полковник.

– Фантажиста?

– Скажем так: того, кто должен иметь отношение...

В руке полковника появилась фотографическая карточка, салонный снимок: благородный господин романтически смотрит вдаль.

Родион Георгиевич перестал обмахиваться платочком.

– Лицо знакомо, – отметил проницательный полковник.

Если не вдаваться в мелкие детали – догадка верна.

– Раз князя Одоленского представлять не надо... – фотопортрет исчез с ловкостью фокуса, как и появился, – ...щекотливость ситуации ясна.

Нет, полицейские чиновники слабо разбираются в жизни аристократических салонов, они все больше с уличной грязью дело имеют. Пояснения требовались.

Оказалось, Павел Александрович не просто роскошный молодой человек, но является последним отпрыском древнего княжеского рода, имеет широкие связи при дворе и отмечен особым доверием государя. То есть персона уж если не божественная, то священная.

– Могу ли знать, что хотите от меня? – упрямо проявил непонимание Родион Георгиевич.

Ягужинскому явно хотелось остаться за ширмой тонких намеков, но его вынудили рубить сплеча:

– Выяснить роль князя в шантаже. Установить круг причастных лиц. Любые факты и детали, способные предотвратить катастрофу. Он действует не один. Князь – пешка в чьих-то руках. Слепая марионетка. Потянув за эту ниточку, надо вырвать заговор с корнем.

Мотор завернул, пришлось держаться за что попало, лишь бы не свалиться. Полковник многозначительно молчал. И коллежский советник молчал, тяжело дыша. Духоту салона угнетало бурчание двигателя.

– Иван Алексеевич, не профе ли князя хорофенько допросить?

– Исключено. У нас нет ни одного доказательства.

– Тогда почему он замефан?

– Имел слишком близкое отношение к государственному секрету.

Видимо, следовало толковать: как «последний из ныне доживших».

– Невиновность исключаете полностью?

– Абсолютно.

– Как заниматься этим делом?

– Да как сочтете нужным. – Начальник охраны стер с ладони невидимое пятнышко. – Делайте что хотите. С расходами не считайтесь. Оружие применяйте не раздумывая. Вам разрешается все. У вас карт-бланш. Заманите князя в любовную ловушку. И хорошенько прижмите. Только одно условие. Розыск идет сугубо частным образом. Ни один из ваших не должен ничего знать... В случае успеха – повышение по службе и личная благосклонность барона Фредерикса.

А налево пойдешь – отставку и голодную старость найдешь, видимо, так?

Между тем платок пора было выжимать.

– Сделаю, что смогу... Только поясните: есть корпус жандармов, Особый отдел, дворцовая полиция, да и вафа служба, а вы обрафаетесь ко мне. Почему?

– Вы умный человек. Не задаете неуместных вопросов, – отчеканил Ягужинский. – Затем, порядочный человек. Исполните поручение, не стараясь извлечь особой выгоды...

А еще загребать жар принято чужими руками. Победу приписать себе, а неудачу свалить на голову коллежского советника.

– Могут понадобиться сведения о князе...

Ягужинский обещал всяческое содействие и добавил:

– Взяться основательно. Любые открывшиеся улики сообщать немедленно.

Мотор замер. Полковник в штатском нажал дверную ручку:

– Завтра встретимся в шесть на этом месте. У нас трое суток. До катастрофы.

С наслаждением Родион Георгиевич глотнул горячий, но свежий воздух. Четырехколесное чудо уркнуло и исчезло вдали. А коллежский советник оказался там, где и был: около пригородного вокзала. Ворота в дачный ад встречали паровозным чадом отца семейства.

Августа 6-го дня, года 1905, около шести, полегче.

Летняя дача в Озерках

У любящего мужа два союзника – воля и терпение. Они помогли пережить не одно мгновение счастья наедине с Софьей Петровной. Драгоценная супруга умела поставить дело так, что разумный и уважаемый чиновник сыскной полиции дома оказывался виноватым болваном, при этом он, разумеется, делал все исключительно назло, чтобы только обидеть. Даже трагические события января, когда жизнь семьи оказалась под угрозой, не образумили госпожу Ванзарову. Оправившись от испуга, она крепче взялась управлять мужем. Хомут семейной жизни натер шею крепко.

Нет, жены Родион Георгиевич не боялся. Тут было другое. На допросах законы логики ставили преступнику ловушки, а перед Софьей Петровной логика оказывалась бесполезна. Меч побед, заостренный в словесных дуэлях, рассыпался в прах. От такого бессилия и старина Сократ зарыдал бы мраморными слезами. Грядущее объяснение с дражайшей половиной требовало полной мобилизации духа.

От пригородной станции нужно было пройти пешком. Ванзаров свернул на протоптанную тропинку, но тут в кустах послышался шорох. Обнимались два силуэта. Они, кажется, вальсировали. Да, любовь на природе вещь восхитительная.

Коллежский советник вежливо кашлянул.

Ему ответил шорох веток.

Родион Георгиевич отворил потихоньку калитку и вошел в летний сад, так и не решив, как приступить к делу.

На веранде властвовала Глафира. Старая нянька жены, она же стряпуха, горничная, воспитатель дочек, домашний диктатор и серый кардинал, расставляла сервиз к ужину. Порой удавалось найти верный подход к супруге, но кухарку отделяла стена глухого презрения. Всегда.

– Прекрасный вечер! – выжал из себя Родион Георгиевич.

Глафира стукнула супницей об стол:

– Вязигу астраханскую привезли?

– Не с руки было... – глава семьи подхалимски хихикнул. – Где девочки? Отчего Софья Петровна не слышать?

– Олю с Лелей в гости позвали, а барыня в саду.

– А что, поутру...

Исчадие ада надменно удалилось. Пришлось обождать, пока вернется с дымящимся самоваром.

– Отчего Софья Петровна сегодня в такую рань ездила в Петербург? Что за дела такие в фесть утра в город мчаться?

Глафира недобро сдвинула брови:

– Чего выдумали, барин? Раньше полудня барыня наша из кровати не выходит. Такой вот у нас распорядок заведен, прости господи.

– Значит, с утра дома почивала?

Наградой стал взгляд: «Моя б воля – упекла бы тебя, милоч, в дом умалишенных, там тебе самое место». Кухарка показала спину, не желая тратить слов на человека, загубившего судьбу ее любимого дитятки Сонечки.

Можно считать, разминка прошла как нельзя более успешно. Родион Георгиевич отдал себе приказ встать и пойти на эшафот.

Как нарочно, его встретила картина в стиле Левитана, а может, Куинджи, пес их, пачкунов, знает: под ветвями яблони, озаренными розовым солнцем, стройная фигурка нежно обвила ствол. У супруги-то возвышенное настроение, плохо дело.

Верный супруг и рта не успел открыть, как Софья Петровна оттолкнула дерево и налетела на него:

– Родион, нам надо серьезно поговорить.

Тон трагический, приветствий и поцелуев нет.

– Скажи мне, что хорошего в нашей жизни? – заявила обожаемая супруга.

Вопрос, конечно, риторический, но...

– Так я скажу тебе: ничего!

– Сонечка...

– Ты пропадаешь на службе, а когда приходишь, не можешь и слова выговорить. Ты забыл, когда последний раз занимался воспитанием дочек, и не изволишь заказать новый мебельный гарнитур, я уже не говорю, что ты постоянно издеваешься надо мной. Вот что наша жизнь! К чему эти мучения? Не лучше ли каждому идти по жизни своим путем? Ты слишком сильно изменился. Ты стал холодным и чужим, постоянно занят непонятными мыслями. Представляю, какие ужасные вещи ты совершаешь на службе, поддерживая прогнивший режим, а потом приходишь и ласкаешь грязными руками наших девочек! Не хочу жить с человеком, у которого руки по локоть в крови несчастного народа! Я задыхаюсь рядом с тобой, пойми это!

Хочу прожить остаток своей жизни в счастье, а не с человеком, для которого служба важнее всего!

Тирада окончилась всхлипами.

– Я осведомлен, что у тебя любовник, – проговорил Родион Георгиевич с исключительным спокойствием и даже улыбнулся. – Хочешь развода? Изволь. Когда отправляемся в суд?

Надо сказать, что в августе дела о разводах передали от непреклонной духовной консистории в либеральный окружной суд, отчего разведенных пар увеличилось втрое. Ну, не может быть, чтобы Софья Петровна только этого и ждала! Видимо, в ее жизни действительно происходит нечто.

– Жестокий человек! Иезуит! – воскликнула она с заметной растерянностью.

– Не иезуит, а инквизитор, дорогая... – любезно поправил супруг. Но довод логики раздул пожар.

– Я всегда знала, ты не любишь меня! – закричала госпожа Ванзарова. – Бедные девочки! Ну, ничего, они вырастут, и ты еще пожалеешь! Откуда ты знаешь...

– Полиции известно все.

– Сатрап! Прислужник царя кровавого!

Вот ведь досада: анонимный доброжелатель прав. Что ж, пока не время думать, как жить дальше. Об этом он подумает завтра.

– Где вы познакомились с Одоленским? – допросной резкостью хлестнул Ванзаров.

– О чем ты? – она смотрела прекрасными заплаканными глазами.

Но сейчас трюк не сработал. Напротив, придал решимости:

– Могу ли знать, как давно у вас роман с князем Одоленским?

– Боже, какая гадость!

– Советую отвечать, дело касается серьезного преступления...

Софья Петровна заплакала по-настоящему, дернулась, но попала за локоть:

– Требую ответа как чиновник сыскной полиции. Вы не понимаете, во что вас могли втянуть.

– Я не знаю никакого Одоленского, – она попыталась вырваться, но супруг держал крепко. – Пустите, вы сломаете мне руку!

– Не знаете? Значит, не он ваф любовник? А кто же?

– Отпустите...

– Почему утром выехали с дачи и передали Одоленскому сундук, то есть ковчежец? Для чего были в нафем доме?

– Мне больно...

– Кто вафи друзья – содалы?

– Боже мой...

– Содалы называют вас Пенелопой? Отвечать!

Госпожа Ванзарова перестала всхлипывать и посмотрела в лицо мужа с испугом:

– Родион, что с вами сделала полиция... Вы сумасшедший!

Пощечина звонким шлепком украсила физиономию чиновника полиции. Захват локотка ослаб, преступница вырвалась и побежала в глубину сада, поднимая юбку и отчаянно голося. Родион Георгиевич невольно сжался: не ровен час, споткнется, упадет и разобьется...

Выбрался он на дачную тропинку и побрел к станции не торопясь. Поезд в город будет минут через двадцать, не раньше. Думать о чем-либо сил не было.

Внезапно из кустов, в шагах десяти, выскочила фигурка, заметила Ванзарова и опрометью кинулась обратно. Над лесом опустились молочные сумерки, но узнать беглянку не представляло труда. В зарослях, без сомнения, исчезла Антонина Берс.

Донесение старшего филера А.Ф. Курочкина помощнику начальника сыскной столичной полиции С.-Петербурга Р.Г. Ванзарову о проведении дознания

Секретно

Милостивый государь, Родион Георгиевич.

Во исполнение вашего поручения и поручения ротмистра Джуранского, под моим руководством отрядом филеров был проведен подробный опрос служащих Финского вокзала, а также извозчиков, принимающих пассажиров на прилегающей территории, на предмет свидетельских показаний, касающихся неизвестной дамы в черном платье с сундуком, бывшей на вокзале 6-го дня сего месяца.

Могу донести следующее: служащие вокзала доподлинно подтверждают, что на утренних и дневных поездах упомянутая дама замечена не была. Показания эти повторяют дежурившие утром на площади городовые и патруль корпуса жандармов на транспорте, находившиеся в помещении вокзала. Дополнительно опрошенные мною носильщики вокзала не припомнили, чтобы видели оную даму. Считаю их показания заслуживающими полного доверия.

Из всего вышесказанного могу заключить следующее: августа 6-го дня сего года интересующий объект не прибывал на Финский вокзал Финляндской железной дороги никаким поездом и не находился в здании вокзала с шести до десяти ура.

Подобное дознание было проведено на Ириновском, Царскосельском и Сестрорецком вокзалах. Означенная дама на указанных вокзалах замечена не была.

Покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Подпись: А. Курочкин

Августа 6-го дня, года 1905, около десяти вечера, прохладно.

На Малой Конюшенной улице

Голодный и усталый вернулся он в десятом часу. Беглого осмотра дверного замка хватило, чтобы увериться: его не касалась отмычка или другой ключ. А запах родного жилища уже в коридоре подтвердил: посторонний сюда не ступал. Все же, не снимая запыленного пиджака, Ванзаров вчинил квартире строжайший обыск. Каждый закоулок подвергся тщательному досмотру. На всякий случай залез даже туда, где не ступала нога культурного человека со дня переезда, а именно – в кладовую. Запасы муки, сахара, гречи и еще какие-то пудовые

мешки, задвинутые вовсе непонятной рухлядью, мирно покрывала трехмесячная пыль, отмечая дату последнего посещения Глафиры.

Надежда найти сверток с кровавыми конечностями таяла на глазах. Последнее убежище преступных улик – кухонный шкафчик – покойно дремало, набив брюхо медными кастрюлями.

Вывод: если неизвестная дама, похожая на Софью Петровну, или она сама, проникла в квартиру каким-то немыслимым образом, то явно ничего не взяла. И ничего не оставила.

Все тот же вопрос: для чего приезжала?

Непривычная тишина окутала дом. В детской не прыгали дочки, Глафира не гремела на кухне, пианино молчало, тоскуя о пальчиках хозяйки. Лишь бой часов в гостиной уверял, что здесь «живут-тут-тут». Одиночество можно слышать.

Требовалось нагрузиться делом. Переодевшись в любимый, но малость тертый персидский халат, в котором коллежский советник смахивал на карикатуру Ноздрева, он распахнул окно в кабинете и расположился за рабочим столом. На сукно легла добыча трудного дня: подметное письмо, записка из сундука и уголовный романчик. Не было еще одного важного предмета – снимка князя Одоленского, но он присутствовал как бы незримо.

Вещицы сами собой расположились около портрета, оправленного стальной рамкой: профессор Серебряков с дамами улыбается. Дарственная надпись другому лицу, не Ванзарову, уверяла в искреннем почтении дарителя. Фотография пришла по почте еще весной из Берлина от неизвестного адресата. Все эти месяцы хранилась трепетно и всегда держалась на виду. Снимок призван был напоминать важную истину: случайностей не бывает. За эту науку заплачена хорошая цена уже раз, а второму не бывать. Дарственная фотография предостерегала, но не могла ответить на главный вопрос: куда ведет случайность?

Нынче случайностей набралось уже полные короба.

Начать с романчика. Трясаясь в прокуренном вагоне второго класса, ибо в первом мест не осталось, он ознакомился с книжонкой. И готов был вызвать автора на дуэль. Такой околесицы наплести о фигуре и привычках чиновника сыскной полиции, такую напраслину возвести, что только пуля-дура могла бы решить: есть правда на земле, а может быть, и выше. Очень не понравился Ванзарову литературный портрет в части супружеских склок, а также возведение в глупейший чин «чиновника особых поручений», но особо – навязчивое обзывание «сыщиком». Сыщики в Англии, а г-н Ванзаров – чиновник сыскной полиции, понимать следует, о чем пишешь. Но куда больше тревожила осведомленность автора о секретном деле Сомы. Такое мог написать только непосредственный участник событий. Или тот, кому подробно изложили в деталях. Не менее странно, как такое могла пропустить цензура в печать. Адрес типографии, совпадавший с адресом Министерства внутренних дел, выглядел просто издевкой. Для чего эта случайность?

Далее – письмо. Как ни печально, украшение на лбу, видимо, и впрямь красуется. Но зачем в него ткнули именно сегодня, когда возникло подозрение об участии Софьи Петровны в убийстве, закрепленное инициалами С.П.В.? Зачем эти случайности?

А другие персоны таинственного списка? Буквы «П.А.О.» более чем прямо указывают на князя. Значит ли, что в среде неизвестных содалов Одоленского зовут Менелай? Допустимо. Но зачем ему возить труп в драгоценном ковчежце, да еще прятать записку со своим именем? Идиотом князь не выглядит.

А «Первая кровь»? Название общества именующих себя содалами? Намек или прямое указание? В подобных ковчежцах самое драгоценное часто прятали в секретных нишах. Чтобы случайные воры не нашли сокровище. Значит, список не предполагалось видеть никому, кроме избранных? Ведь содалы – не только «друзья», но и посвященные в религиозные мистерии. Как быть с этим?

Тайный список, как и письмо, напечатан на пишущей машинке – механизме редком и дорогом. Не нужен Лебедев, чтобы сличить под лупой буквы «а» в словах «содалы» и «беспо-

добна», буквы «о» в «Диомед» и «поздравить», также буквы «В», «П», «н», «л», «я». Совершенно очевидно: машинка одна и та же. Вон, на буквице «а» характерный скол виднеется. Куда ведет цепочка этих случайностей? К «чурке»? Или князю Одоленскому? А с какого боку относится задание Ягужинского?

И все же случайности – отличный хворост. Они разожгли надежду: в этот раз след ведет на крупного зверя. В болоте сыскной текучки приходится ловить мелочь да сволочь, а тут, дай бог не спугнуть, намечается что-то крупное. Уж нюх его не подводил.

Какое служебное счастье у помощника начальника сыска? Да никакого. Серые будни, очередной орден, следующий чин. Ну получит Анну 1-й степени, ну Владимира – ну станет тайным советником. Но вице-директором департамента не быть: всяк сверчок знай свой шесток. На шесток Ванзаров прыгнул. А дальше некуда. И остается ждать, что явится некто, кто дерзнет на такое, что и преступлением назвать нельзя, а просто искусством. Вот схватиться с эдаким талантом – истинное счастье.

Родион Георгиевич сидел за столом, держа лупу и грозно нахмурясь. В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона. А радостное нетерпение пробирало легким ознобом: в разрозненных уликах кое-что почудилось. Пока – смутно.

Увеличительное стекло притомило зрение. Ванзаров поднялся от стола и, ощущая искры приятной тревоги, выглянул в окно. Ночной воздух, прохладный, но летний, наполнял каждый вздох счастьем, не понятным легионам размеренных чиновников. Улица дремала в бликах газовых фонарей, тиха и пустынна. Лишь на противоположной стороне маячила одинокая фигура.

Родион Георгиевич присмотрелся и без труда опознал по повадкам филера. Лица его рассмотреть не смог, но был совершенно уверен, что соглядатай интересуется им.

Августа 7-го дня, лета 1905, восемь утра, +20 °С.

Особняк князя Одоленского в Коломенской части С.-Петербурга

Еще бы! Этакое сокровище! Каждая петербургская маменька мечтала сцапать. Представьте: дома в Петербурге и Москве – раз, годового дохода чистыми сто тысяч и более – вот вам два, имения в Воронежской и Саратовской губерниях – это три, да и по мелочи накоплено. И что приятно – родни никакой. Просто клад, а не князь. Только в руки не давался.

Как назло, вел он жизнь веселую, но деньгами сорил, чтоб поддержать в глазах общества полагаемый статус. Вообще же гордился модным словом «спорт-мэн», занимался выездкой в манеже Офицерского корпуса, весь год принимал ледяные ванны, пил не более бокала вина за обедом, а табак презирал. К тридцати годам Одоленский обладал телом греческого бога с крепостью мышц мраморного Давида: на спор вязал кочергу в узел.

Павел Александрович держался англофилом, вышколив прислугу. Ровно к восьми утра на кухне дымился кофейник, скворчала яичница с беконом, а из Филипповской лавки доставлялись свежайшие булочки. Чугунная ванна, модная и редкая игрушка петербургских домов, уже наполнялась ледяной водой, слуга ожидал, чтобы подать нагретое полотенце.

Однако пробило четверть восьмого.

Лакей Бирюкин проверил настенные часы карманным хронометром: разница составляла не более минуты.

Случилось невероятное!

Князь не опаздывал к утренней процедуре никогда. Ни на секунду. За зимой могло случиться лето, но Павел Александрович строго держался заведенного порядка. Даже загульная ночь и поздняя постель не были причиной, чтобы он пропустил восьмой удар часов.

Нарушение казалось столь святотатственным, что Бирюкин растерялся, потому что на такой случай прямых инструкций не имелось. А самовольничать приучен не был.

Прошло еще минут десять.

Одоленский уже должен был выходить из ванной, растертый и причесанный, а их светлость еще не изволила и носа сунуть.

Терпение кончилось. Изрядно струхнув, Бирюкин направился к спальне хозяина. Прежде чем самолично постучать в дверь, дюжий парень под два аршина с вершками мелко перекрестился и приник ухом к замочной скважине. Он услышал лишь свист, который будит в ушном нерве абсолютная тишина. Лакей собрался с духом и ткнул костяшками в дверную панель...

Ничего.

Ударил сильнее.

Опять ничего.

Более от ужаса, что перешел дозволенное, дернул медную ручку.

Дверь открылась бесшумно. Утренний свет слабо пробивался сквозь плотно сдвинутые шторы, в спальне сделалось сумеречно по-зимнему.

Бирюкин засунул в проем голову и позвал:

– Сэр... Ваша светлость... Павел Александрович...

Тщетно.

Из последних сил верный слуга шагнул в комнату и, нащупав рычажок, включил электрическое освещение.

Павел Александрович почивал в собственной постели, повернувшись на бок, уютно укутавшись одеялом.

В другом доме слуга с облегчением удалился бы: «Почивает барин, и слава богу, пусть дрыхнет хоть до обеда, хлопот меньше!» Но для слуги в английском духе такое равнодушие преступно. Бирюкин на цыпочках приблизился к огромной кровати.

Князь спал так мирно, что и дыхания не слышать.

Стараясь не думать, на какую дерзость идет, лакей шевельнул барина за плечо.

Павел Александрович покорно перевернулся на спину.

Вольноопределяющийся кавалерии заорал по-бабьи, истошно и беспомощно.

Августа 7-го дня, лета 1905, девять утра, +21 °С.

Летняя дача в Озерках

От удивления Глафира едва не выронила чашку: ее величество снизошло к утреннему чаю. Дочки, измазанные кашей, радостно завизжали, но госпожа Ванзарова буркнула что-то строгое и уселась на дальнем конце стола, не глядя ни на кого. Хозяйка дома, всегда гордившаяся силой женского духа, пребывала в угнетенном настроении, а под покрасневшими глазами очертились бессонные синяки.

– Сонечка, чайку с медком? – заботливо, как ни с кем, спросила Глафира.

– Ах, няня, оставь меня в покое, – Софья Петровна отшвырнула вилку. Без Родиона Георгиевича они общались как в детстве: заботливая кормилица и ненаглядное дитяtko.

Глафира быстро спровадила Олю и Лелю в сад, сама присела к воспитаннице, взяв изнеженную ручку в шершавые, теплые ладони.

– Что, душенька, поссорились? То-то я гляжу, господин наш дома не ночевал, каков герой. Так это ничего, вернется как миленький.

– Няня, ты ничего не понимаешь! – почти крикнула Софья Петровна.

– Так расскажи, сними тяжесть с сердечка, полегчает.

Так тепло стало рядом с няней, такой лаской и заботой манило большое тело грубой женщины, что Софья Петровна неожиданно размякла, уткнулась в плечо и, всплакнув, рассказала все.

Оказалось, дитяtko закрутило роман. Вернее, и не роман вовсе, а так, девичьи грезы. Соне страстно понравился один мужчина, она не находит места, но все еще любит мужа. Да, она мечтает о другом! Потому что он воплощение мужских достоинств, каковых в большой

нехватке у Ванзарова. Соня все еще не решилась на последний шаг, дальше поцелуев дело не шло, но она бросила мужу в лицо, что разрывает с ним. К ужасу оказалось, он все знает. Это было настолько непостижимо, что Соня растерялась. И теперь раздираема между слепой страстью и неожиданным страхом потерять мужа.

Нянька погладила взрослого ребенка по головке и тихонько спросила, кто же этот сердцеед. Софья Петровна скрывать не стала. Теперь объяснилось, отчего так странно вела себя ее девочка все лето.

– Что мне делать, нянечка? – спросила госпожа Ванзарова.

– Это, Сонечка, тебе самой решать, как сердце подскажет. Твой-то, конечно, пустой человек, но добрый. А как тот красавец себя покажет – неведомо. Он хоть при деньгах?

– Да, богат очень.

– Ну и слава богу. Как решишь, так и будет. А я уж тебя не брошу. Чай, найдешь старой кормилице уголок?

Софья Петровна уже собралась признаться, как она обожает мамку, но стукнула калитка. На дорожке показалась группа мужчин в штатском, нарочито одинаковом. В столице эти наряды брезгливо прозывались «гороховыми» пальто.

Впереди «гороховых» господ уверенно выступал моложавый ротмистр в жандармском мундире. Он смотрел на Софью Петровну совершенно не мигая, как кобра.

Августа 7-го дня, лета 1905, в то же время, +21 °С.

Особняк князя Одоленского в Коломенской части С.-Петербурга

Испуг случился глубокий. В лихорадке дергались губы, взгляд расширенных зрачков застыл недвижно, а лоб покрылся мелкой испариной.

Аполлон Григорьевич церемониться с лечением не стал, а приказал подать стакан водки, самолично разжал пострадавшему челюсти, влил, заставил глотать и как следует отхлестал по щекам. Результат исцеления не заставил себя ждать. Бирюкин обмяк, его увели.

Между тем около спальни князя собралось десяток господ в мундирах и без, но пока никто не проник за створки двери. Были тут пристав III Казанского участка Вильчевский, трое городских, чиновники полиции для ведения протокола, фотограф полицейского резерва и сыскная полиция: господин Ванзаров, ротмистр Джуранский, дежурный чиновник и, условно, эксперт-криминалист.

Столько народа в воскресное утро поднял на ноги слуга: прибежал в участок и заявил, что с князем что-то стряслось. Что именно – сказать не мог, потому как двери спальни закрыты, держит их лакей, никого не подпускает, при этом орет истошным голосом, как самка, потерявшая детеныша. На беду иного обитателя вверенного участка полиция, может, и не станет поднимать в ружье столько сил, но славное имя Одоленского призвало.

Только с последним шагом вышла заминка. Полиция ожидала, что сыскная войдет первой, а Родион Георгиевич предоставлял эту честь приставу. Отчего в спальню не вошел никто. Прислуга и вовсе жалась напуганной стайкой.

– На что ставите? – с любопытством шепнул Лебедев. – Нож? Топор? Пуля? Или яд?

Родион Георгиевич промолчал.

Тянуть далее становилось неприличным, Вильчевский грозно нахмурился и взял на себя тяжкую миссию отворить дверь. Зато первым проник Ванзаров.

Занавесы пропускали мало утреннего света, но с порога спальня выглядела исключительно мирно: посредине комнаты чайный столик с сыром и вином, по креслам разбросаны предметы вечернего туалета модного мужчины, впрочем, в естественном беспорядке, мебель, ковры, вазы и прочие украшения на своих местах. Сам князь тихо почивал в роскошной кровати под одеялом, несколько неестественно повернув голову на подушке.

На всякий случай пристав громко кашлянул и даже позвал их светлость по имени. Но Павел Александрович ранних гостей не приветствовал.

– А позвольте-ка мне... – заявил Лебедев, приблизился к постели и непринужденно поднял одеяло.

Необъятное пятно переливов бурого, красного и черного цветов расплзлось по шелковой простыне, отпечатавшись на пододеяльнике. Красивое тренированное тело, совершенно обнаженное, покоилось в нем, как бабочка в коконе. Пятно заползло на подушку, окружив голову князя ореолом темного сияния. Картина хоть и трагическая, но прекрасная, сразу приходят мысли о единстве жизни и смерти и прочая чепуха. Но наслаждаться философским смыслом мешала одна неприятная деталь: шея князя. Вернее, ее отсутствие. Вместо изящного органа зияла дырка с рваными, вывороченными наизнанку краями плоти.

Лебедев, как профессиональный циник, от души порадовался такому редкому экземпляру. А Родион Георгиевич вдруг спросил:

– Могу ли взять на себя вафи обязанности?

– Ну попробуйте... – съехидничал Лебедев.

– Крепкий, физически сильный мужчина аккуратно лежит в постели голый, следов борьбы или сопротивления нет. Следовательно, внезапно принял смерть. Так?

– На первый взгляд...

– Далее. У него отсечена голова довольно прихотливым образом. Способ умерщвления мне, как дилетанту в криминалистике, напоминает фею «чурки». Значит, князю взорвали горло?

– Уйду на покой – будет на кого оставить лавку! – заявил Лебедев и похлопал Ванзарова по плечу. – А теперь не мешайте работать. Рано делать выводы.

Аполлон Григорьевич повязал на себя широченный кожаный фартук и занялся осмотром шеи трупа.

Следствие шло по заведенному порядку. Чиновник принялся описывать в протоколе место преступления, фотограф установил треногу, а пристав приказал городовым встать у входа на часах. Но Родион Георгиевич решительно потребовал, чтобы ни одного полицейского на улице не было. Более того, сведения о смерти князя держать в секрете до его распоряжения. Всех пришедших в дом с визитом впускать обычному слуге, а посыльных из лавок задерживать на кухне для допроса.

Отдав столь строгие указания, Ванзаров спустился вниз и занялся прислугой.

Смерть хозяина стала тяжелым ударом, домочадцы пребывали в глубоком унынии. Больше всех досталось Бирюкину, на глазах которого голова князя сама собой отделилась от тела. Только закалка кавалериста спасла рассудок от помутнения. А еще говорят, армия в идиотов превращает!

Вскоре выяснились любопытные подробности. Картина преступления составила на удивление просто.

Одоленский вернулся довольно поздно, в третьем часу ночи. С ним был гость ростом пониже. Оба в смокингах. Поднялись наверх, князь приказал подать в спальню закуску, а парадную дверь запереть. Довольно часто хозяин приезжал с друзьями, оставляя их ночевать. Вышколенные слуги исполнили приказание и со спокойной душой улеглись. Никакого шума или криков ночью не слышали. Никто не выходил из покоев князя, никто не проходил через парадную дверь и через черный ход не покидал особняк. Бирюкин, две кухарки, садовник, конюх, двое слуг и дворовый работник в один голос уверяли, что гость должен обнаружиться в доме. Однако его не было.

Как неизвестный покинул спальню, не представляло загадки. Джуранский обнаружил на клумбе, прямо под окнами спальни, следы прыжка. При этом земля была тщательно разровнена, так что определить размер ноги прыгавшего было невозможно.

Опознать ночного гостя никто не решался. С визитами бывали многие, но этого субъекта вроде прежде не видали. Описать хоть малейшие приметы лица или возраст не удалось. Он все время держался за спиной Одоленского, как бы прикрываясь котелком.

Коллежский советник вернулся в спальню и произвел тщательный осмотр пола, подоконника и ковра. Следов крови или фрагментов одежды не нашлось. Следовательно, убийца даже не ранен. Натуры, обладающие таким хладнокровием, пользуют самые простые средства: яд, нож или удавку. А тут – изыск. Для чего? И почему князь раздет? Нет ответов.

Несомненно, Павел Александрович всецело доверял гостю. Значит, убийца мог прикончить беднягу где угодно. Но выбрал фамильный особняк. Для чего? И как прикрепил взрывчатку к горлу, произвел не слышимый слугами взрыв, а сам остался невредим?

– У князя был гость, – вполголоса сообщил Родион Георгиевич.

– После, не до вас, – Лебедев внимательно разглядывал в лупу изуродованные в клочья кончики пальцев. Казалось, их рвали клещами. Выходит, над князем еще измывались, и никто ничего не слышал, а он не оказал сопротивления. Усыпили его, что ли?

– Теперь слушайте, коллега... – изувеченная рука жертвы легла на простыню. – Смерть наступила около двух часов ночи, крайний срок: полтретьего. Хотите знать истинную причину?

– Опять подавился спермой?

– Отвечу, когда разберусь с кристаллами серого порошка у его светлости на пальчиках и темным пятном на внутренней стороне одеяла, да! – и криминалист как ни в чем не бывало продолжил занятия.

В комнату решительно ворвался Джуранский. Люди маленького роста ходят так, чтобы никто не усомнился в силе их характера. Чего-чего, а решимости у Мечислава Николаевича было с избытком, за что и получил прозвище Железный Ротмистр. Ванзаров ценил лучшие качества своего помощника: исполнительность, граничащую с идиотизмом, и упрямство, порою ослиное. В сыске должен быть хоть один сотрудник, который понимает: приказ надо выполнять любой ценой.

– Пролетки никто не видел, – доложил ротмистр, держа спину идеально. – А мотор князь поставил в сарай еще днем.

Двое господ в смокингах не берут ночью пролетку в одном случае: если проводят время невдалеке от дома. Посещение гостей можно исключить – сложно предположить, что убийца,

готовя преступление, ушел с князем из общества. Остается одно: ресторан поблизости от особняка. А это – только «Кинь» на Фонарном. Джуранский был немедленно отправлен туда за показаниями.

А Родион Георгиевич принялся открывать ящики и ящички трюмо. Обнаружились милые пустячки избалованного мужчины. Ничего существенного. То же – на каминной доске. На мраморном пространстве теснились фотографии в рамках. Одоленский на лошади. Одоленский с рапирой. Одоленский на яхте. Среди портретов соблюдался просто геометрический порядок. Очевидно, делали их в ближайший год, не позже. К тому же рука фотографа-любителя не отличалась твердостью. Следовало изучить снимки подробно, возможно, в них найдется зацепка...

Но тут из прихожей донесся оглушительный крик.

Августа 7-го дня, лета 1905, в тот же час, +21 °С.

Дача в Озерках

От грубых криков перепуганные девчушки прижались к юбке Глафиры. Нянька кипела бессильным гневом, глядя, как терзают ее хозяйство.

Без лишних церемоний господа «гороховые» переворачивали дом. Из шкафов вылетала одежда, посуда, припасы. Каждый закуток мебели вычищался до досок, и даже те вынимались для тщательного досмотра. Перетряхивались матрасы, из порезанных подушек столбом летели перья.

Софья Петровна так и сидела за столом, только губы побелели. Ротмистр Модль расположился напротив, покачиваясь на стуле и сложив руки на груди.

– Вы за это ответите... – тихо проговорила госпожа Ванзарова. – Мой муж...

– Знаем вашего мужа, голубушка, и до него доберемся.

– Вы за это ответите... Не имеете права...

– Сударыня, к вам пришли офицер и агенты Отделения по охране общественной безопасности и порядка. И уж будьте покойны, все права у нас есть. Так что давайте о деле.

– Что вам угодно?

– Сущие пустяки. Во-первых, расскажите, кому вчера утром везли сундучок, а во-вторых, куда дели его содержимое.

– Я не понимаю, о чем...

– Голубушка, вы же не преступница, не революционерка, не злодейка. И не обучены приемчикам запирательства. Да и с нами они бесполезны. Уж по-доброму ответьте, мы и оставим вас в покое. Дочки у вас славные...

– Господин ротмистр, я не понимаю, что вы хотите! – истерически крикнула Софья Петровна. – Какой сундук? Я вчера утром дома была! Спросите Глафиру!

– Спросим, голубушка, обязательно спросим и ведьму старую... – ротмистр мило улыбнулся на бешеное зыркание кухарки. – Сундук, значит, такой не крупный, но тяжелый, весь резной. Не ваш?

– Это не мой...

– Жаль... Извозчик Растягаев запомнил и все показал: куда ездили и что делали. Дворник дома Епифанов тоже видел вас и все подтверждает. Умно ли запираться?... Куда дела груз?!

– Это какое-то безумие...

– Безумие, когда мать семейства и жена уважаемого чиновника начинает играть в революцию. Отвечать, где запрещенная литература! – рывкнул ротмистр.

Софья Петровна вздрогнула, собралась и, стараясь не запнуться, заявила:

– Господин Модль, я ни в какую революцию не играю, и вообще...

Она хотела встать, но силы подвели.

Жандарм приятно улыбнулся:

– Какая выдержка у хрупкой женщины! Молодец Ванзаров, воспитал жену... Что ж, не хотите по-доброму, можем и по-другому...

Ротмистр вскочил так резко, что легкий стульчик отлетел прочь. Шагнул и угрожающе навис над барышней:

– Последний раз спрашиваю, куда дела запрещенную литературу?

Госпожа Ванзарова хотела быть сильной и мужественной, но из глаз сами собой потекли слезы.

На счастье, из дома прытко выскочил «гороховый»:

– Господин ротмистр, взяли! – крикнул он, сияя служебным усердием.

Августа 7-го дня, лета 1905, десять утра, +21 °С.

Особняк князя Одоленского

– Кого взяли? – переспросил коллежский советник.

Старший городской Яковлев, стараясь не глянуть на кровать, доложил:

– По приказу вашего благородия, явившегося преступника.

– Как узнали, что он преступник?

– Уж больно шуметь горазд. Мы его под ручки легонько, а он как заорет... ирод. Попался, голубчик.

Снизу и впрямь доносились приглушенные крики, ругань и заявления: «Да как посмели», «Да знаете ли, что...» и «Ну, погодите у меня».

Источник переполоха трепыхался в лапах здоровенных молодцов. Гнев его пылал, а сопротивление было так велико, что городovým стоило больших усилий усмирять строптивца. Но и господину борьба далась нелегко, лицо его приобрело цвет свеклы, волосы растрепались, а дышал он прерывисто.

– Что тут происходит? – строжайшим тоном спросил коллежский советник.

– Родион Георгиевич?! – прохрипел задержанный. – Да отпустите же, наконец!

Городовые подчинились кивку начальника, сила инерции толкнула господина вперед, и он чуть было не проверил подбородком крепость дубовых полов. Однако быстро оправился, привел волосы в порядок и с поклоном заявил:

– Благодарю, а то эти медведи чуть кости не вывернули. Позвольте, а почему вы тут? Где князь?

– Могу ли знать, что вас привело в этот час?

– Вот...

Родион Георгиевич развернул клочок бумаги, служивший срочной депешей. Размашистый почерк призывал:

«Дорогой друг! Настоятельно прошу прибыть ко мне как можно скорее. Дело безотлагательное, касается В.В.П. Требуется ваша помощь. Приезжайте, как только сможете. Ваш кн. О.».

В углу записки красовался герб: под княжеской короной щит, разделенный на три неравные части, в левой – архангел Михаил, в правой – черный орел с короной, держащий когтями крест, а в нижней малой части – птичка с хохолком гордо расправила крылышки в горящем гнездышке. На ленте девиза значилось: «Lux in tenebris»².

– Кто такой В.В.П. и какую помошь требуют от вас? – спросил Ванзаров, пряча письмо в карман.

– Понятия не имею! – признался Николай Карлович, а это был именно он, и пожал плечами.

– Когда получили записку?

² Свет во тьме.

– Часа два назад.
– Уверены в этом?
– Ну разумеется! Мы завтракали на даче, вдруг приносят письмо. Телефонировать мне неоткуда, пришлось ехать.
– Кто принес?
– Посыльный, очевидно... Племянница ходила к калитке... – искренно удивился Берс. – Да объясните, что происходит? Где князь, в конце концов?!

Родион Георгиевич пригласил следовать за ним.

Лебедев как раз изучал левую руку трупа, когда в комнате истерически охнули. Шумел моложавый господин, за которым внимательно наблюдал Ванзаров. Гость зажал ладонями рот и, выпучив глаза, пялился на тело. В обморок падать, кажется, не собирался, был вполне цветущего вида и потому не представлял никакого интереса. Аполлон Григорьевич хмыкнул: «Экий народец у нас хлипкий» – и вернулся к штудиям.

Берс повел себя как нормальный человек, который встречает кровавые обрубки реже хорошеньких женщин. Если Николай Карлович играл, то похлеще актеров МХТ. Ванзаров не верил в красивую теорию преступника, возвращающегося на место преступления, но явление коллежского асессора требовало немедленных пояснений.

Августа 7-го дня, лета 1905, десять утра, +22 °С.

Дача в Озерках

– Что скажете на это?! – ротмистр потряс мешком.

«Гороховый» безжалостно смел посуду, и на пустое место посыпались томики в четверть листа, бумажного переплета. Мешок был тщательно выпотрошен и даже вывернут наизнанку, чтобы важнейшие улики не упрятались в холстине.

Девочек позволили увести. А Софья Петровна молилась об одном – только бы не упасть в обморок. Это представлялось ей особенно неприличным. Подвергшись небывалому унижению, она цеплялась за последнюю соломинку: выдержать все в ясном сознании.

Модль взял книжечку:

– Так, что у нас тут... «Пять капель смерти». Значит, не только против империи, но и против веры нашей святой пошли? Постыдно, барышня...

К столу подтянулись прочие «гороховые», отряхивая следы обыска и с разочарованием поглядывая на улов. Ну надо же, столько стараний, а всего-то кучка книжонок.

Ротмистр перелистнул странички и брезгливо швырнул томик:

– Ну-с, голубушка, факты налицо. Остается признаться, откуда везла запрещенную литературу и кому она предназначалась.

– Это не мое...

– А чье же? Может, господин Ванзаров балуется нелегальной литературкой, так только скажите...

– Книги не его. Он не читает книг... то есть на даче не читает...

– Может, кухарка на Сенном рынке купила?

«Гороховые» одобрительно захмыкали.

– Ротмистр, умоляю вас...

– Ах, умоляете? Это мило... Ладно, искренности в домашней обстановке не дождешься. Собирайтесь, едете с нами.

Софья Петровна прошептала:

– Я не могу оставить дочек.

– Об этом раньше надо было думать, когда лезла куда не следует! Встать!

Тело не послушалось.

Двое «гороховых» подхватили Софью Петровну и поволокли под руки к калитке. Но им наперерез вылетела Глафира с истошным воплем:

– Не пущу! Не отдам!

Только замахнулась она на кровопийцу в мундире, так и замерла на полушаге, согнулась пополам и тихим листиком пала. «Гороховый» усмехнулся: встречный в солнечное сплетение и не таких косил наповал.

Модль ткнул кухарку носком сапога и аккуратно переступил.

Августа 7-го дня, лета 1905, половина одиннадцатого, +22 °С.

Особняк князя Одоленского

Следом прошел Берс. Он вполне овладел собой, безропотно опустился в кресло, попросил лишь стакан воды и раскачивал головой, как фарфоровый болванчик:

– Боже мой! Какой ужас... Бедный, бедный Павел!

Горе его разделить было некому. Коллекция вечных инструментов осталась безучастна к смерти очередного хозяина.

Коллежский советник выбрал место, чтобы наблюдать собеседника несколько сбоку.

– Когда последний раз видели князя Одоленского? – намеренно тихо спросил он.

– Кажется, дня четыре тому.

– Где?

– Ужинали у Пивато.

– Могу ли знать, что делали вчера вечером?

– Посадил племянника на парижский поезд на Николаевском вокзале в восьмом часу, потом уехал на дачу.

– Зачем племянник поехал в Париж?

– Учебу завершать.

– Князь часто вам писал?

– Никогда.

– Просил помофи?

– Ну что вы!

– Почему написал сегодня?

– Именно это я хотел узнать у него...

– Чем занимались вчера вечером после одиннадцати?

– На даче у нас устраивают любительские концерты два раза в неделю, вчера был субботний. Меня видели десятки людей... если об этом...

– Ну зачем! – Ванзаров натурально изобразил добродушную застенчивость. – И в мыслях не было выяснять вафе алиби прямо сейчас. Меня больше интересует записка. Уверены, что написана сегодня?

– А когда же? – удивился Николай Карлович.

– Скажем, чуть раньфе... Кстати, знаете руку князя?

– Конечно.

– Его почерк?

– Вне всякого сомнения. Иначе не поехал бы.

– Могу ли знать, как Одоленский написал и отправил записку утром, будучи уже фесь часов мертвым?

Берс открыл было рот, но лишь бессильно развел руками.

– Оставим это... – Родион Георгиевич поднялся с кресла и устроился на краешке стола, сменив угол обзора. – Вы были близкими друзьями?

– Скорее приятелями.

– Что вас связывало с князем?

Николай Карлович как-то не к месту смутился, попросил не верить слухам и болтовне прислуги. Но, испытав легкий нажим специалиста словесных допросов, открыл любопытные подробности.

Одоленский был известен не только в аристократическом обществе, но и в закрытом мирке столичных... мужеложцев. Князь не отказывал себе в изящных удовольствиях, часто менял любовников, отвергнутых награждая щедро, но ни с кем не заводил долгих романов. Берс признал, что и ему было сделано лестное предложение, однако твердо им отвергнутое. Они остались «чистыми» друзьями, находя удовольствие в беседах и увлечении синемаграфом.

Не сказать, чтобы эта новость поразила как молния. Наклонности многих влиятельных петербуржцев были известны далеко за пределами полицейских донесений. Но некоторые детали убийства теперь выглядели иначе. Впрочем, как и мотивы, сплетавшиеся вокруг «обрубка».

– Могу ли знать друзей князя?

– О, это весь свет! Князь Павел принят во всех домах Петербурга и при дворе, он замечательный, общительный человек... был. Люди искали его знакомства.

– Меня интересуют его любовники.

От нагловатой простоты Берс скривился, но все же ответил:

– Мы были добрыми знакомыми, но я не был его наперсником. Не возьмусь назвать того или иного... пассией князя Павла. Только прошу вас, поймите меня правильно.

Ванзаров понял правильно. И продолжил натиск:

– Припоминаете кого-нибудь с инициалами В.В.П.?

Николай Карлович сморщил лоб, закатил глаза, но лишь удрученно покачал головой.

– Может быть, кличка?

– Эта тарабарщина? Ну что вы! Я еще понимаю Адонис или Гименей...

– А к примеру, Менелай или Ахилл? Аякс или Одиссей? Может, Парис? Пенелопа?

Имена греческих героев были совершенно незнакомы коллежскому асессору. Он сокрушенно вздохнул:

– Какая потеря! И какая жестокость...

– Кто на такое мог рефиться? – как можно наивнее спросил Ванзаров.

– Ума не приложу.

– Одоленский владел какой-нибудь опасной тайной?

– Думаю, это невозможно.

– Почему?

– Князь слишком общителен, если не сказать больше... Любой секрет выболтал бы первому встречному.

– Долги?

– Это просто смешно.

– Политика, тайное общество, заговор? – упрямо гнул Ванзаров.

– Весь его заговор – помочь молодому танцору попасть на сцену Мариинки.

– Может быть, нетерпеливые наследники?

– Павел последний в роду... Кажется, в Париже живет двоюродная сестра, но они давно не виделись.

– А месть? Мог Одоленский причинить боль человеку или убить его?

– Невозможно! – Берс даже отмахнулся. – Павел Александрович и мухи не обидит. Сильные люди не позволяют злоупотреблять силой.

– Почему же его убили?

Порассуждать Николай Карлович не успел. В дверь решительно постучали. Ванзаров недовольно крикнул: «Что нужно?» Запыхавшийся голос ответил, что доставлена для господина помощника начальника сыскной полиции срочная депеша.

Родион Георгиевич разорвал конверт, присланный с курьером, и наткнулся на полоски полицейской телеграммы:

«Прошу срочно прибыть Мойку ТЧК
Дело касается вашей супруги ТЧК Модль»

Августа 7-го дня, лета 1905, одиннадцать утра, +23 °С.

*Отделение по охране общественной безопасности и порядка, набережная реки
Мойки, 12*

Ротмистр не встал, не оторвался от бумаг, сосредоточенно скрипя пером в одном документе и то и дело заглядывая в другой. Государев слуга так поглощен трудом во благо, что и не заметил вовсе – представьте себе, и такое бывает, – что в кабинете переминается скромный посетитель.

Все же игра в «государственного мужа» быстро надоела, Модль поднял взгляд и вмиг изобразил удивление:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.